Научный компонент

Сетевое издание
Сибирского юридического института
МВД России

Выходит 4 раза в год
Учредитель и издатель
Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение высшего образования
«СИБИРСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

N 2(26)
2025
ISSN 2686-939X
16+

Сетевое издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (выписка из реестра зарегистрированных СМИ Эл N ФС77-74498 от 7 декабря 2018 г.).

Ответственность за содержание статей, изложенных в них фактов, точность цитат несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

Воспроизведение материалов, полная или частичная перепечатка без письменного разрешения редакции преследуются по закону.

План-график выпуска учебных и научных изданий
СибЮИ МВД России на 2025 год N 6

Подписано к изданию 20.06.2025
Программное обеспечение
Adobe InDesign CS6

Объем издания 2,71 Мб

Адрес редакции и издательства:
Научно-исследовательский
и редакционно-издательский отдел.
Сибирский юридический институт МВД России.
660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20

Подготовлено к изданию
Ю.В. Леонтьевой, В.Е. Рыбиным.

Редакционный совет (редакционная коллегия):

главный редактор, он же председатель редакционного совета – Ким Дмитрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, начальник Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

заместитель председателя, он же ответственный за выпуск – Цуканов Николай Николаевич, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника (по научной работе) Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

ответственный секретарь – Леонтьева Юлия Вадимовна, главный специалист редакторского отделения научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

члены редакционного совета:

Абрамова Любовь Леонидовна – кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Иванов Андрей Юрьевич – кандидат философских наук, доцент, начальник кафедры административного права и административной деятельности ОВД Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Бабин Сергей Владимирович – начальник кафедры тактико-специальной подготовки Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Калугин Алексей Геннадьевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника (по учебной работе) Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Кондратьев Максим Валерьевич – кандидат юридических наук, начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Куприянчик Татьяна Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных и русского языков Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Мальков Сергей Михайлович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Мельников Евгений Борисович – кандидат химических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Молоков Вячеслав Витальевич – кандидат технических наук, доцент, начальник кафедры информационно-правовых дисциплин и специальной техники Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Невирко Дмитрий Дмитриевич – кандидат юридических наук, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Овсянников Павел Юрьевич – кандидат юридических наук, начальник кафедры гражданского права и процесса Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Панов Евгений Валентинович – кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры физической подготовки Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Суров Олег Александрович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминалистики Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Токманцев Денис Валерьевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Шинкевич Владимир Ефимович – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Юсупова Ольга Анатольевна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры огневой подготовки Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск).

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАРКОУГРОЗЕ

Тепляшин П.В. Криминологический анализ наркоситуации в Российской Федерации (с учетом итогов 2024 года).....5-11
Харабет К.В. К вопросу предупреждения наркотизма среди комбатантов и иных лиц, подвергшихся воздействию посттравматического стрессового расстройства.....12-17
Онегов С.В., Ильяненко А.А., Тепляшина Е.А. Социальные и биохимические аспекты опиоидной наркозависимости и заместительной метадоновой терапии.....18-26

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Буряков Е.В. Обнаружение дополнительных источников информации на первоначальном этапе раскрытия неочевидных преступлений 27-35
Галимов О.Х. К вопросу о понятии оперативно-розыскной деятельности 36-44
Фарахиев Д.М. Правовая основа оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по борьбе со взяточничеством, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационныхтехнологий.....45-54
Петров Д.Н., Садовых К.В. Уголовно-правовой анализ и особенности классификации заведомо ложного сообщения об акте терроризма.....55-63

АЛГОРИТМЫ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Печерский Ю.И. Влияние физической подготовки на формирование профессионального мировоззрения курсантов образовательных организаций МВД России 64-69
Смолякова Ю.Н., Бордачёв А.Ю. От карты к действию: значение топографической подготовки в период специальной военной операции, а также для сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации в современных условиях 70-75

ГОЛОСА МОЛОДЫХ

Кукин Т.В. О предупреждении коррупции в образовательных организациях путем преодоления коррупциогенных стереотипов их работников 76-83
Потехина Д.П. Имплементация международных обязательств по урегулированию конфликта интересов в правоохранительной системе 84-90
Терешко С.О. Административный ресурс как инструмент воздействия на лиц, реализующих свое избирательное право и содержащихся под стражей 91-97
Шляга Е.И. Конфликт интересов среди сотрудников уголовно-исполнительной системы: особенности проявления и правового регулирования 98-106

CONTENTS

THEORY AND PRACTICE OF COUNTERING THE DRUG THREAT

Teplyashin P.V. Criminological analysis of the drug situation in the Russian Federation (taking into account the results of 2024).....5-11

Kharabet K.V. On the issue of drug prevention among combatants and other persons exposed to post-traumatic stress disorder.....12-17

Onegov S.V., Ilyashenko A.A., Teplyashina E.A. Social and biochemical aspects of opioid addiction and methadone substitution therapy 18-26

CURRENT ISSUES OF LEGAL SCIENCE

Buryakov E.V. Detection of additional sources of information at the initial stage of uncovering non-obvious crimes 27-35

Galimov O.Kh. On the question of the concept of operational investigative activity 36-44

Farakhiev D.M. The legal basis of the operational investigative activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation to combat bribery committed using information and telecommunication technologies 45-54

Petrov D.N., Sadovykh K.V. Criminal law analysis and classification features a deliberately false report of an act of terrorism 55-63

HIGHER SCHOOL ALGORITHMS

Pechersky Yu.I. The influence of physical training on the formation of a professional worldview cadets of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia 64-69

Smolyakova Yu.N., Bordachev A.Yu. From map to action: the importance of topographic training during a special military operation, as well as for employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation in modern conditions 70-75

VOICES OF THE YOUNG

Kukin T.V. On the prevention of corruption in educational organizations by overcoming corruption-causing stereotypes of their employees 76-83

Potekhina D.P. Implementation of international obligations to resolve conflicts of interest in the law enforcement system 84-90

Tereshko S.O. Administrative resource as an instrument of influence on persons exercising their right to vote and detained 91-97

Shlyaga E.I. Conflict of interests among employees of the penal enforcement system: features of manifestation and legal regulation 98-106

УДК 343.9

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАРКОСИТУАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (С УЧЕТОМ ИТОГОВ 2024 ГОДА)

CRIMINOLOGICAL ANALYSIS OF THE DRUG SITUATION IN THE RUSSIAN FEDERATION (TAKING INTO ACCOUNT THE RESULTS OF 2024)

Павел Владимирович Тепляшин,
профессор кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск), доктор юридических наук, профессор

pavlushat@mail.ru

Ключевые слова:
героин, дикорастущая конопля, контрабанда, наркопроизводство, наркотрафик, незаконный оборот наркотиков, подконтрольные вещества, структура наркопреступности

В статье обозначается ряд авангардных тенденций наркоситуации, отражающие как ее количественные, так и качественные характеристики: 1) усиление организованности и транснациональной составляющей наркопреступности; 2) высокое поражающее воздействие на социальное благополучие населения; 3) прозелитивное распространение наркомании; 4) генерирование иных видов преступности; 5) дегенеративное влияние на прогрессивность социального развития. Указывается на корреляцию наркоситуации с уровнем антинаркотической культуры в обществе. Изложены статистические показатели наркоситуации. Сформулирован вывод о наличии непростой, но контролируемой наркоситуации в Российской Федерации, которая отражает такие ее составляющие, как «предложение» и «спрос» на наркотики, а также интегративное сочетание внешних и внутренних наркоугроз.

Keywords:
heroin, wild hemp, smuggling, drug production, drug trafficking, il-legal drug trafficking, controlled substances, structure of drug crime.

The article outlines a number of vanguard trends in the drug situation, reflecting both its quantitative and qualitative characteristics: 1) increased organization and transnational component of drug crime; 2) high damaging impact on the social well-being of the population; 3) proselytizing spread of drug addiction; 4) generation of other types of crime; 5) degenerative impact on the progressiveness

of social development. The article points to the correlation between the drug situation and the level of anti-drug culture in society. Statistical indicators of the drug situation are presented. A conclusion is made about the presence of a difficult, but controllable drug situation in the Russian Federation, which reflects such components as «supply» and «demand» for drugs, as well as an integrative combination of external and internal drug threats.

Криминологическое исследование наркоситуации в Российской Федерации позволяет говорить о наличии ряда авангардных тенденций, отражающих как ее количественные, так и качественные характеристики: 1) постоянное усиление организованности и транснациональной составляющей наркопреступности, а также эскалация попыток ее сращивания с государственными структурами, в том числе правоохранительными органами; 2) достаточно высокое поражающее воздействие на здоровье населения как в соматическом, так и психическом (ментальном) аспектах, а также воздействие на социальное благополучие населения; 3) прозелитивное распространение наркомании, заключающееся в высокой степени фактического патофизиологического и ментального заражения наркопотребителями окружающих граждан; 4) генерирование иных видов преступности, в частности, общеуголовной, ятрогенной, транснациональной, преступности несовершеннолетних, и поддержание за счет высоких наркодоходов экстремистской, деструктивной и террористической деятельности, что ощутимо снижает степень соответствующей защищенности людей; 5) дегенеративное влияние на прогрессивность социального развития и реализацию функций государств в части формирования здорового общества, развивающегося в русле духовно-нравственных ценностей.

Обозначенные тенденции должны становиться предметом пристального внимания как со стороны научной общественности, так и субъектов профилактики незаконного оборота наркотиков. Более того, следует учитывать трансформацию наркоугроз, а именно приобретение ими, во-первых, инверсионных качеств, то есть способностей создания условий для реализации либеральных антинаркотических инициатив, что расходится с идеями бескомпромиссной борьбы с незаконным оборотом наркотиков; во-вторых, свойств социального мимикрирования и инструментов фактического подстраивания под практику рекреационного использования подконтрольных веществ, не только извлечения из фактов немедицинского потребления наркотических средств гедонистических результатов, но и придания этому процессу социально приемлемого окраса.

Наркоситуация имеет непосредственную корреляцию с уровнем антинаркотической культуры в обществе. Для понимания данного сегмента наркоситуации целесообразно обращаться к мониторинговым исследованиям. Так, В.Е. Шинкевич в одном из своих исследований справедливо пишет: «Наркоситуация тесно связана не только с низкой антинаркотической культурой, но и с состоянием доступности наркотических средств и психотропных веществ на наркорынке, с наличием на так называемом наркорынке как предложения, так и спроса» [5, с. 68]. Существует значительный массив актуальных мониторинговых исследований наркоситуации [2; 3], которые способны дать представление о состоянии антинаркотической культуры в российском обществе, что, однако, является предметом отдельного исследования.

Обращение к конкретным показателям наркоситуации в Российской Федерации дает возможность утверждать, что она продолжает оставаться контролируемой. Так, в 2024 году в Российской Федерации зарегистрированы 198043 преступления, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что на 3,6% больше по сравнению с 2023 годом (190988). При этом удельный вес наркопреступлений в структуре преступности составил 10,4%, тогда как в 2023 году он был на отметке 9,8%.

С точки зрения системного понимания наркоситуации следует выделять такие ее составляющие, как предложение и спрос на наркотики, а также внешний и внутренний характер наркоугроз. Соответственно, наркорынок в 2024 году формировался в условиях стабильного роста внутреннего наркопроизводства (преимущественно N-метилэфедрон и его производные, а также мефедрон и эфедрон) и сохранения на значительно высоком уровне объемов поступления в Российскую Федерацию наркотиков из других государств. Основным источником запрещенных веществ на территории Российской Федерации продолжает оставаться наличие местной сырьевой базы – зон произрастания, как правило, дикорастущей конопли.

Контрабанда запрещенных веществ осуществляется по двум основным направлениям – «западное» и «азиатское», первое из которых охватывает преимущественно незаконный ввоз синтетических наркотиков и психотропных веществ из стран Европы, кокаина из государств Латинской Америки, гашиша из Северной Африки. При этом преступными группировками предпринимаются попытки наладить каналы поставок наркотиков через акваторию Каспийского моря. Второе направление включает криминальную наркоторговлю с государствами Азии, что в том числе предполагает ощутимый контрабандный наркотрафик героина и метамфетамина из Афганистана. В связи с этим следует обратить внимание проведенный УНП ООН обзор производства опия в Афганистане в 2024 году, согласно которому культивирование опийного мака в стране остается на значительно более низком уровне, чем до вступления в силу указа 2023 года о запрете культивирования опийного мака и изготовления любых видов наркотиков. Площадь культивирования в 2024

году оценивалась в 12800 гектаров, что на 19% больше, чем в 2023 году, когда она составляла 10800 гектаров. До введения запрета площадь культивирования оценивалась в 232 тысяч гектаров. В то же время производство опия стало равно 433 тоннам, увеличившись относительно 2023 года на 30%[1].

Выявлены 378 фактов контрабанды наркотических средств и психотропных веществ, что на 37% больше по сравнению с 2023 годом, и 232 (в 2023 году – 270) преступления, связанных с незаконным ввозом сильнодействующих веществ (ст. 226.1 УК РФ). Соответственно, активность контрабандных поставок создает негативный фон для коммерческих грузоперевозок, частичная криминализация которых связана с тем, что международная транспортировка наркотиков в Российскую Федерацию реализуется, как правило, с использованием большегрузных автомобилей и путем сокрытия запрещенных веществ в легальном грузе – товарах промышленного производства и потребительского назначения.

Внутренние наркоугрозы сопряжены с ростом в незаконном обороте наркотиков удельного веса сильнодействующих веществ (СДВ), подпольное производство которых детерминировано повышением спроса на «дизайнерское спортивное питание», в том числе на лекарственные препараты, содержащие СДВ, с использованием поддельных рецептов на их покупку через сеть аптек. Это происходит на фоне 206 (в 2023 году – 225) выявленных и ликвидированных органами внутренних дел подпольных нарколабораторий по производству в основном синтетических наркотиков.

Из незаконного оборота на момент возбуждения уголовных дел изъято 42 тонны 409 килограммов наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, что на 18% больше по сравнению с 2023 годом. В структуре изъятых 37 тонн 825 килограммов (+15,6% по сравнению с 2023 годом) наркотических средств – 18 тонн 877 килограммов синтетических наркотических средств, что на 15,1% больше по сравнению с 2023 годом, в том числе 10 тонн 471 килограмм (+37,3%) N-метилэфедрона и его производных, 6 тонн 464 килограмма (-5,2%) мефедрона, 236,2 килограмма (-66,6%) метадона; 10 тонн 259 килограммов (-23,1 %) наркотиков каннабисной группы, в том числе 3 тонны 262 килограмма (-38,6%) гашиша, 4 тонны 551 килограмм (рост в 2,2 раза) кокаина и его производных, 4 тонны 137 килограммов (рост в 4,4 раза) наркотиков опийной группы, включая 443,6 килограмма (-25,9%) героина. Кроме того, за 2024 год изъято 47 тонн 783 килограмма прекурсоров (+16%), 4 тонны 190 килограммов (+39,9%) сильнодействующих и 394,5 килограмма (+75%) психотропных веществ.

Внутренние наркоугрозы связаны с активной наркодеятельностью в первую очередь организованных преступных групп, сформированных по этническому признаку. Именно этнические преступные группировки продолжа-

1 Доклад Международного комитета по контролю над наркотиками за 2024 год URL: https: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1746261494&tld=ru&lang=ru&name=E-INCB-2024-1-RUS. (дата обращения: 02.05.2025).

ют поставки контрабандных партий героина с территории Афганистана в Российскую Федерацию через границы Таджикистана, Кыргызстана и Казахстана. Наркобизнес имеет заинтересованность также в поставках в Россию гашиша афганского происхождения.

В 2024 году расследованы 113412 наркопреступлений, по которым к уголовной ответственности привлечены 69682 лица, их совершивших, в том числе 3712 иностранных граждан и лиц без гражданства. Причем 2167 (58,4%) привлеченных к уголовной ответственности иностранных граждан совершали наркопреступления в групповых и организованных формах соучастия.

Статистические сведения указывают на высокую степень криминальной организованности. Так, в 2024 году раскрыты 12986 наркопреступлений, совершенных организованными группами, что на 10,8% больше по сравнению с 2023 годом, и 1786 общественно опасных наркодеяний, совершенных преступными сообществами (+ 53%). Кроме того, зарегистрированы 62 (в 2023 году – 93) и расследованы 56 (в 2023 году – 75) преступлений, связанных с организацией преступных сообществ, действующих в сфере незаконного оборота наркотиков, или участием в них.

В свою очередь, именно бесконтактный спрос на подконтрольные вещества привел к широкому использованию современных информационно-телекоммуникационных технологий в сетевом пространстве даркнета и активному функционированию многочисленных маркетплейсов; «когда в теневом секторе сети Интернет функционирует целый ряд магазинов по продаже наркотиков, их распространители обучаются как обычные курьеры, на закрытых форумах демонстрируются способы изготовления наркотических средств из доступных прекурсоров, о стабилизации наркоситуации говорить не приходится» [4, с. 252]. Наблюдается рост совершения данных преступлений. Так, зарегистрированы 118173 наркопреступления, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, что на 13,6 % больше по сравнению с 2023 годом. Удельный вес таких общественно опасных деяний составил 59,7% в общем количестве зарегистрированных наркопреступлений. В ходе реализации функции досудебного ограничения доступа к интернет-ресурсам, содержащим пронаркотический контент, МВД России рассмотрены почти 22 тысячи поступивших электронных обращений, по которым принято 14 тысяч решений об ограничении доступа к интернет-ресурсам, распространяющим запрещенную информацию о наркотиках.

Наблюдается широкое применение в преступных целях электронных платежных систем международного и национального уровней, электронных бирж и торговых криптовалютных платформ. Данные криминальные технологии реализуются также в целях легализации наркодоходов. Так, в 2023 году зарегистрированы 317, а в 2024 году – 392 преступления по фактам легализации доходов от незаконного оборота наркотиков (ст. 174 и 174.1 УК РФ). Установленная сумма легализованных наркодоходов составила 1 миллиард 31 миллион 32 тысячи рублей и 930 миллионов 776 тысяч рублей соответственно.

Структура наркопреступности показывает значительный спрос на наркотики. Так, в 2024 году зарегистрированы 53930 преступлений, связанных с приобретением и хранением наркотиков, что только на 5,7% меньше по сравнению с 2023 годом. Достаточно ощутимым видится рост сбытов наркотиков, который составил 134998 случаев, что на 7% больше по сравнению с предыдущим годом. Также наблюдается рост незаконного производства наркотиков на 11%, что составило 944 факта в 2024 году.

По состоянию на 1 января 2024 года на учете в специализированных медицинских учреждениях системы российского здравоохранения состояли 389,4 тысячи наркопотребителей. При этом численность контингента больных с диагнозом «синдром зависимости от наркотических веществ (наркомания)» сохранилась почти на прежнем уровне и составила 228,8 тысячи лиц. Осталась практически без изменений первичная заболеваемость наркоманией. Количество наркопотребителей, поставленных на учет с впервые в жизни установленными диагнозами «наркомания» и «пагубное (с вредными последствиями) употребление наркотиков» составило 12,8 тысячи и 18,3 тысячи лиц соответственно.

Наркологическая характеристика наркоситуации демонстрирует наличие итоговых крайне негативных результатов немедицинского потребления наркотиков, выражающихся не только в соответствующих заболеваниях и летальных исходах, в частности, от передозировки, но и проблемах профилактического характера. В связи с этим можно согласиться с С.Ю. Мироненко, который отмечает, что «объективную сложность, затрудняющую предупреждение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, следует расценивать наличие у многих лиц физической зависимости от наркотиков. Под ее влиянием человек способен преодолеть страх перед наказанием и приобрести или изготовить наркотическое средство» [1, с. 70].

Таким образом, изложенный материал демонстрирует, во-первых, наличие непростой, но контролируемой наркоситуации в Российской Федерации, которая отражает такие ее составляющие, как предложение и спрос на наркотики, а также интегративное сочетание внешних и внутренних наркоугроз; во-вторых, существующий потенциал антинаркотических правоохранительных мер и их прочную связь с перспективами эффективного противодействия не только распространению наркотиков среди населения, но и культивированию идеологии рекреационному использованию подконтрольных веществ, оправданию фактов немедицинского потребления наркотических средств путем придания этому социально приемлемого окраса.

Библиографический список

1. Мироненко, С.Ю. Специально-криминологическое предупреждение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков / С.Ю. Мироненко // Стратегические направления противодействия преступности на национальном и транснациональном уровнях : сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции, посвященной памяти проф. С.А. Черноморца. – Ханты-Мансийск: Югорский государственный университет, 2024. – С. 67-70.

2. Николаев, Е.Е. Социологическое исследование наркоситуации как инструмент антинаркотической политики на региональном уровне / Е.Е. Николаев, И.Е. Булыгина, О.Н. Якунина // Актуальные вопросы аддиктологии : сборник материалов III всероссийского межведомственного научно-практического антинаркотического форума. – Нижний Новгород: Приволжский исследовательский медицинский университет, 2024. – С. 266-272.

3. Ступина, С.А. Некоторые особенности наркоситуации в современных условиях (на примере Красноярского края) / С.А. Ступина // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 2. – С. 388-390.

4. Шалагин, А.Е. Состояние и тенденции наркопреступности в Российской Федерации / А.Е. Шалагин, Л.Р. Мамлеева // Право, экономика и управление : материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Чебоксары: ООО «Издательский дом «Среда», 2025. – С. 251-253.

5. Шинкевич, В.Е. Социальная практика оценки наркоситуации, определение веса основных ее детерминант по единым заданным параметрам в ходе ежегодного мониторинга / В.Е. Шинкевич // Социально-гуманитарные знания. – 2024. – № 6. – С. 67-71.

УДК 342.9

К ВОПРОСУ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НАРКОТИЗМА СРЕДИ КОМБАТАНТОВ И ИНЫХ ЛИЦ, ПОДВЕРГШИХСЯ ВОЗДЕЙСТВИЮ ПОСТТРАВМАТИЧЕСКОГО СТРЕССОВОГО РАССТРОЙСТВА

ON THE ISSUE OF DRUG PREVENTION AMONG COMBATANTS AND OTHER PERSONS AFFECTED BY POST-TRAUMATIC STRESS DISORDER

Константин Васильевич Харабет,

исполнительный директор Фонда содействия научным исследованиям в области обеспечения безопасности человека имени профессора А.А. Тер-Акопова (г. Москва), кандидат юридических наук, доцент

harabet@mail.ru

Ключевые слова:
наркотизм,
психоактивные вещества,
посттравматическое стрессовое расстройство,
военнослужащие.

Статья посвящена проблеме роста наркотизма среди военнослужащих и гражданского населения как одного из опасных последствий посттравматического стрессового расстройства в условиях войн и вооруженных конфликтах и некоторым вопросам его предупреждения.

Keywords:
drug addiction,
psychoactive substances, post-traumatic stress disorder,
military personnel.

The article is devoted to the problem of the growth of drug addiction among military personnel and civilians as one of the dangerous consequences of post-traumatic stress disorder in conditions of wars and armed conflicts and some issues of its prevention.

Многолетние исследования [1; 2; 4] убедительно свидетельствуют о наличии прямой корреляции между последствиями посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) и наркотизмом (правонарушениями, включая преступления, связанные с немедицинским потреблением наркотиков и иных психоактивных веществ (ПАВ), а также действиями по их незаконному обороту), равно как и другими видами негативных социальных отклонений (преступностью, суицидальным поведением, пьянством и алкоголизмом, агрессивным поведением и др.).

Цель настоящей статьи – в рамках исследования *открытого* характера изучить отдельные актуальные аспекты предупреждения наркотизма среди военнослужащих (комбатантов), а также мирного населения, вовлеченного в вооруженный конфликт – жителей территорий театра военных действий, на отечественном и зарубежном опыте прошлых лет. В связи с тем, что основным «источником» ПТСР априори являются широкомасштабные военные действия, их прекращение повлечет за собой и исчезновение первопричины массовой боевой психологической травмы посттравматического стрессового расстройства. Также на интенсивность и массовость «присутствия» в обществе и его вооруженных силах «фактора ПТСР» будут оказывать такие обстоятельства, как успешность военно-политического исхода вооруженного конфликта (войны) для конкретной страны, способность государства и общества своевременно купировать (смягчить) негативные последствия ПТСР и др.

1. Посттравматическое стрессовое расстройство – психолого-психиатрическое последствие экстремальных ситуаций (МКБ-10), которое развивается у комбатантов и иных лиц, переживших экстремальную ситуацию, катастрофу глобального или личного характера («синдром солдатского сердца», 1871 г., «синдром концлагерей», «синдром изнасилованных», «поствьетнамский синдром» и др. [5]). Психическая травма приводит к распространенности ПТСР в группах риска в 73-92% (военнослужащие, беженцы, врачи, волонтеры и др.); у военнослужащих, принимавших участие в зоне боевых действий, распространенность ПТСР составляет от 3% до 12%. Данное состояние характеризуется повышенной возбудимостью, ранимостью и раздражительностью, повышенной агрессивностью, сновидениями «боевого» характера, ощущением собственной вины, навязчивыми воспоминаниями, страхом. Выявлены особенности характера и биологическая предрасположенность, личностные расстройства и психические нарушения, увеличивающие силу воздействия стрессора. В психиатрии рассматриваются сверхострое, острое, хроническое и отсроченное ПТСР; на фоне ПТСР у комбатантов чаще всего развиваются алкоголизм и немедицинское потребление психоактивных веществ, социальное отчуждение, а также суицидальное поведение (покушения и законченный суицид), проявления криминальной агрессии, личностные изменения в виде психопатического развития, существенные нарушения (или замедление) социальной адаптации. Как правило, 30% больных с ПТСР полностью выздоравливают, 40% остаются с незначительными нарушениями [2].

2. Согласно опросам, проведенных автором в 2001 г. и 2002 г., 100% опрошенных российских военнослужащих, проходивших военную службу в Таджикистане и в Чечне, указали в качестве одной из основных причин (как привило, опрашиваемые называли несколько причин. – К.Х.) распространения потребления наркотиков (растительного происхождения – гашишной и опиатной групп) «психологические факторы, стрессовое состояние, в котором длительное время (свыше 6 месяцев) находятся военнослужащие». Ранее, в 1970-е годы, на серьезное «катализирующее» влияние фактора ПТСР в отношении роста

наркотизма среди военнослужащих указывалось в военно-медицинских исследованиях американских врачей, впервые столкнувшихся с массовым вовлечением в наркотизацию военнослужащих подразделений, участвовавших в агрессивной войне во Вьетнаме на рубеже 60-70-х годов. Было установлено, что длительное пребывание под «прессом гнетущих обстоятельств» выступает побудительным мотивом употребления наркотиков у значительной части выявленных потребителей ПАВ среди военнослужащих. В настоящее время, по некоторым данным, в структуре комплекса криминогенных ситуаций воздействие *последствий ПТСР* занимает одно из главенствующих мест. Психотравмирующее воздействие, обусловленное характером решаемых задач и сложностью обстановки, приводит военнослужащих к поиску способов снятия стресса, в числе которых оказываются ПАВ (алкоголь и наркотики).

Также исследованиями установлено, что употребление наркотиков и иных ПАВ в ходе боевых действий дополнительно превратилось в *социальный маркер* групповой принадлежности. В первую очередь это относилось к специальным подразделениям, выполняющим задачи в особых условиях: употребление наркотиков военнослужащими таких подразделений нередко являлось частью так называемой психологической «подготовки» к выполнению боевых задач. Публикации в зарубежных СМИ последних лет указывают на популярность среди военнослужащих, находящихся в зоне боевых действий, синтетических психостимуляторов в качестве «боевых наркотиков», а также использование с этой целью опаснейшего для организма мефедрона и его производных, с одной стороны, притупляющих чувство «опасности-страха», с другой стороны, провоцирующих на безмотивную агрессию, в том числе сексуального характера. Ранее, в гитлеровской Германии в годы Второй мировой войны, летчики ВВС активно использовали таблетки первитина в целях получить многочасовую активность в боевых условиях и др. Применение военнослужащими психостимуляторов с санкции командования при исполнении боевых задач в последние десятилетия неоднократно зафиксировано в вооруженных силах стран НАТО[1].

«Пристрастие» к ПАВ, приобретенное военнослужащими в районах боевых действий, как правило, не прекращается после окончания службы в армии, а нередко с течением времени даже усиливается.

Согласно данным социологических исследований, почти половина военнослужащих, принимавших участие в боевых действиях в Афганистане и Чечне, отмечали, что не могут найти взаимопонимание ни в обществе, ни в семье; около 30% бывших «афганцев» «на гражданке» расторгли брак. Каждый четвертый опрошенный заявил, что испытывает трудности при общении в

1 Новости. URL: http://www.rian.ru. 2006. 15 сентября; Harding T. Army «loses a battalion» every year to Drugs. URL: http // www. telegraf.co.uk/news/uknews. 2007, 14 Dec.; Savage M. Is the Army losing its War Against Abuse. URL: http // www. independent. co.uk. 2010. 15 March; Martinez M. Opiates killed 8 Americans in Afhganistan, Army records show. URL: http // www. edition.cnn.com/2012/04/21/us. 2012. 23 April.

трудовом коллективе, а каждый второй менял место работы по 3-4 раза за короткое время. По данным военных врачей, около 30% участников вооруженных действий в Афганистане и более 70% участников чеченских событий по их окончании длительное время (от 6 мес. до 2-3 лет) ощущали воздействие последствий ПТСР, сопровождаемых приступами страха, тревоги, эмоциональной напряженностью и эмоциональной обеспокоенностью, повышенной агрессивностью и вспышками гнева, что приводит к нарастанию случаев девиантного и правонарушающего поведения, в том числе и наркотизма.

Военнослужащие, участвовавшие в контртеррористической операции в Чеченской Республике и получившие боевую психическую травму, потенциально более подвержены наркопотреблению, нежели сослуживцы без опыта боевых действий. Согласно военно-медицинским исследованиям (Е.В. Снетков [4], авторы учебника «Военная психиатрия» [2]), осуществленным на основе изучения «афганского» (1982-1989 гг.) и «чеченского» (1995-1996 гг.) событий, имела место следующая характеристика наркотизации военнослужащих с ПТСР:

– доля военнослужащих (рядовой состав, сверхсрочнослужащие, прапорщики и офицеры) с аддиктивным поведением (включая заболевание наркоманией) составила 28,6% (среди лиц, получивших ПТСР), из них 74,4% – лица, злоупотребляющие наркотиками (без признаков заболевания. – К.Х.);

– структура потребления наркотиков: гашиш – 62,3%, опиаты – 18,5%, сочетание гашиша и опиатов – 19,2%;

– в первые месяцы по прибытии к месту боестолкновений начинали употреблять наркотики не только военнослужащие, имевшие соответствующий опыт до службы в армии (25,4%), но и не имевшие «наркоопыта». Из числа последних начали употреблять наркотики в первые полгода службы в условиях театра военных действий 54,9%, в течение последующих шести месяцев – 25,7%, позже – 15,9 %. Чем дольше военнослужащие находились в боевой обстановке, тем меньше среди них оставалось лиц, негативно оценивавших наркотизацию и ее последствия;

– продолжительность военной службы влияет на выбор принимаемого наркотика. При службе в боевой обстановке до 6 месяцев в 58% случаев употреблялся гашиш, в 33% – опиаты, в 33% – гашиш и опиаты вместе; до 12 месяцев: гашиш – 53%, опиаты – 27%; до 18 месяцев: опиаты – 67%, гашиш и опиаты – 11%. Таким образом, по мере продолжения военной службы в особых условиях возрастала доля потребителей более сильных и опасных наркотиков (опиатов, включая синтетические).

Исследования указывают на наличие, помимо влияния последствий ПТСР в качестве самодостаточного фактора наркотизации военнослужащих, действие иных криминогенных факторов социально-психологического характера, таких как «длительное нахождение военнослужащего вдали от родных мест», «прохождение военной службы в наркоопасном регионе» и активность «местного» наркобизнеса.

По данным американских и английских исследований, немалое количество военнослужащих, неоднократно направлявшихся в командировки для участия в боевых действиях в Ираке (2003-2005 гг.) и Афганистане (2008-2014 гг.), у которых развился посттравматический синдром, были вынуждены принимать сильнодействующие антидепрессанты (лекарственные наркотические препараты), как правило, вне медицинского контроля, что потребовало от командования принятия мер по усилению профилактического и реабилитационного контроля за данной категорией военнослужащих [5; 7].

3. Экстраполируя на настоящий и будущий периоды научный анализ исследуемых событий прошлого, используя собственный многолетний экспертный опыт в данной области (с 1987 г.), могу предложить некоторые выводы.

За период специальной военной операции, начиная с 2022 г. и по настоящее время, воздействие ПТСР испытали на себе, по-видимому, десятки тысяч российских военнослужащих, при этом негативные последствия (в виде наркотизма, суицидов, психосоматических заболеваний, агрессий, пьянства и алкоголизма, правонарушающего поведения) могут проявиться и в последующие годы, после завершения СВО. На распространенность последствий ПТСР (в контексте наркопроблематики) будут оказывать существенное влияние качественное лечение, наличие оперативной комплексной психолого-медицинской помощи и реабилитации, внимание к социально-психологическим проблемам военнослужащих, подвергшихся воздействию ПТСР, фактор «довоенного» опыта наркопотребления и др. Отсутствие комплекса эффективных мер с высокой долей вероятности приведет в ближайшие годы к росту различных форм правонарушающего поведения, прежде всего агрессии, а также аддиктивного поведения, суицидов и пр.

Предупреждение и профилактика медико-социальных последствий ПТСР (и наркотизма – как одного из опаснейших) потребуют: (1) содержательной комплексной духовно-нравственной, психологической и иной подготовки военнослужащих и приравненных к ним лиц (в составе контингентов и индивидуально), потенциально подвергающихся ПТСР; (2) обеспечения максимально возможной в конкретных условиях своевременной помощи пострадавшим, желательно перемещение их из зоны боевых действий; (3) организации междисциплинарных исследований медико-социального феномена, в том числе с привлечением «инструментария» военной медицины, военной психологии и психиатрии, военной криминологии и девиантологии; (4) установления «феноменологии» (масштабов) распространенности ПТСР в современных условиях, скрининговых и иных полевых исследований, мониторинга ситуации с ПТСР; (5) широкого развертывания системы специализированных медицинских центров, в том числе реабилитационных – для действующих и уволенных военнослужащих и иных лиц, получивших ПТСР при несении службы (проживании) в особых условиях; (6) разработки организационно-правовых мер по созданию системы социально-медицинской поддержки населения, «пострадавшего» от ПТСР в современных условиях и др. В этих целях целесо-

образно использовать опыт Великой Отечественной войны и послевоенного времени [3], а также войн и вооруженных конфликтов последних десятилетий (в первую очередь – нахождения ограниченного контингента Советской армии в Республике Афганистан (1979-1989 гг.) и контртеррористической операции на территории Чеченской республики (1994-2002 гг.) и др. [подр.: 6].

В целях исключения риска поступления в управленческие структуры на руководящие и иные должности лиц с последствиями ПТСР или признаками опасного девиантного поведения в рамках реализации государственной политики формирования кадрового резерва из числа бывших военнослужащих, находившихся в зоне боевых действий, считаем необходимым рекомендовать Государственному фонду «Защитники Отечества» совместно с Военно-социальным центром Минобороны разработать и внедрить в систему государственной и муниципальной службы программу, включающую скрининг, выявление и недопущение к назначению на соответствующие должности (включение в кадровый резерв) указанных лиц, не прошедших социально-медицинской и иной реабилитации, до их полноценного лечения и качественной реабилитации.

Библиографический список

1. Антонян, Ю.М. Наука криминология / Ю.М. Антонян. – М., Юрлитинформ, 2015. – 376 с.

2. Военная психиатрия / под ред. С.В. Литвинцева, В.К. Шамрея. – Спб.: ВмедА, 2001. – 236 с.

3. Лунеев, В.В. Курс мировой и российской криминологии: в 2 т. Т. II. Особенная часть / В.В. Лунеев. -М.: Юрайт, 2015. – 872 с.

4. Снедков, Е.В. Боевая психическая травма : автореф. дис. ... докт. мед. наук / Е.В. Снедков. – СПб., 1997. – 50 с.

5. Теория и практика западной военной психологии / под общ. ред. С.Э. Зверева. – Спб.: Алетейя, 2021. – 389 с.

6. Харабет, К.В. Социально-правовые и криминологические основы предупреждения наркотизма и наркопреступности среди военнослужащих (история и современность) / К.В. Харабет. – Спб.: Наука, 2013. – 354 с.

7. American Military History. Vol. 2: The United States Army in a global Era, 1917-2003 / R. W. Steward ed. – Washington, D.C., 2005. – P. 251-268.

УДК 316.4

СОЦИАЛЬНЫЕ И БИОХИМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОПИОИДНОЙ НАРКОЗАВИСИМОСТИ И ЗАМЕСТИТЕЛЬНОЙ МЕТАДОНОВОЙ ТЕРАПИИ

SOCIAL AND BIOCHEMICAL ASPECTS OF OPIOID ADDICTION AND METHADONE SUBSTITUTION THERAPY

Савва Витальевич Онегов,

студент Красноярского государственного медицинского университета имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого

savvaonegov@gmail.com

Анастасия Александровна Ильяненко,

студентка Красноярского государственного медицинского университета имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого

ilyanenko2004@gmail.com

Елена Анатольевна Тепляшина,

доцент кафедры биологической химии с курсами медицинской, фармацевтической и токсикологической химии Красноярского государственного медицинского университета имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого, кандидат биологических наук, доцент

elenateplyashina@mail.ru

Ключевые слова:
метаболизм опиатов,
опиоидные рецепторы,
метадоновая терапия,
наркозависимость.

В статье рассматривается актуальная для современного общества проблема, связанная с опиоидной наркозависимостью. Показано, что возникающие молекулярные и клеточные нарушения гомеостаза при эндогенной интоксикации у лиц с опиатной зависимостью требуют комплексного подхода и лечения данного синдрома. Авторы обращают внимание на молекулярные аспекты действия опиатов, их метаболизм и биохимические профили. Также продемонстрированы отдельные социальные аспекты перспектив реализации заместительной метадоновой терапии.

Keywords:
opiate metabolism,
opioid receptors,
methadone therapy,
drug addiction.

The article examines the problem of opioid addiction, which is relevant for modern society. It has been shown that emerging molecular and cellular homeostasis disorders in endogenous intoxication in people with opiate dependence require an integrated approach and treatment of this syndrome. The authors draw attention to the molecular aspects of opiate action, their metabolism and biochemical profiles. Some social aspects of the prospects for the implementation of methadone replacement therapy are also demonstrated.

Употребление запрещенных веществ с целью получения эйфории, или иначе – в гедонистических целях, не является изобретением XXI века. Однако в связи с общей глобализацией и развитием технологий в настоящее время наркомания является одной из наиболее важных проблем современного общества. Печальную славу так называемых «тяжелых» наркотиков снискала группа опиоидных препаратов. Опиаты и опиоиды – синтетические и полусинтетические производные, а также природные алкалоиды опиума, изготавливаемые на основе высохшего млечного сока опийного мака (Papaver somniferum) [9]. Немедицинское употребление данных наркотиков не только играет пагубную роль для здоровья наркопотребителя, но и имеет крайне негативные социальные последствия, выражающиеся в стагнации прогрессивного развития общества, попирании традиционных духовно-нравственных ценностей, выталкивании из сферы экономических отношений активной молодежи.

Для понимания механизма непосредственного воздействия немедицинского потребления наркотиков на здоровье населения нельзя не обратиться к биохимической стороне этого процесса. Так, к полусинтетическим препаратам, изготавливаемым на основе опиума, относится и диацетилморфин, более известный как героин. Впервые он был синтезирован в 1874 году английским химиком Алдером Райтом. Благодаря угнетающему действию на кашлевой центр, изначальное применение диацетилморфин приобрел при

лечении кашля у детей и взрослых. С 1898 года начались его изготовление и продажа в промышленных масштабах под торговым названием «Героин», уже тогда были изучены биохимические свойства этого метаболита, приводящего к вдохновению и эйфории. При этом героин считался более эффективным и безопасным, чем скажем морфин, в связи с этим он назначался в виде сиропов и таблеток и рекомендовался при различных заболеваниях как своеобразная панацея [8].

Появление пациентов, пристрастившихся к употреблению лекарства от кашля, привело к тому, что в 1924 году федеральный закон США постановил незаконным свободную продажу героина. В настоящее время этот препарат производится несколькими фармацевтическими компаниями в очень ограниченных количествах. До настоящего времени героин применялся для научных исследований и в медицинских целях в качестве сильнодействующего обезболивающего. Однако свою печальную распространенность героин приобрел именно в виде наркотика, привлекая относительной дешевизной химического синтеза при сильном эффекте [6].

Метаболическое действие опиатов начинается при попадании вещества в кровь. Опиаты могут применяться перорально, однако данный метод не пользуется популярностью, так как в этом случае эффект действия снижается из-за длительного метаболического пути, обусловленного прохождением через пищеварительный тракт, и к моменту всасывания в печени наркотик уже теряет свои фармакологические свойства и не способен вызвать полный спектр эффектов. Поэтому наиболее частым способом применения является введение наркотика внутривенно. При попадании в кровь героин связывается с молекулами белков крови, проходит по кровотоку и оседает в различных тканях и органах. Благодаря меньшей полярности и за счет более высокой растворимости в липидных молекулах героин способен легко проникать через гематоэнцефалический барьер. В центральной нервной системе героин метаболизируется в 6-моноацетилморфин (6-MAM) и морфин [10]. Биохимическое действие героина, как и других опиатов, обусловлено высоким сходством опиатов с эндорфинами человеческого организма, благодаря чему они способны реагировать с опиатными рецепторами, такими как m, d, k, а также менее изученными – e, l, i, z и ноцицептина (ORL1).

Героин обладает химическим сродством к μ1- и μ2-опиатным рецепторам, в большом количестве локализованном в ЦНС, а именно в коре больших полушарий, гипоталамусе, хвостатом ядре, гиппокампе, миндалевидном теле и на пресинаптических мембранах спинного мозга. В отделах пищеварительного тракта эти рецепторы располагаются в теле желудка, двенадцатиперстной и тощей кишках. Также они диффузно «разбросаны» по тканям сердца и легких, в блуждающем нерве и других структурах организма. Естественным образом эти рецепторы активируются эндогенными молекулами эндорфинов организма, однако, обладая большим сходством, опиаты также способны воздействовать на них.

Интересно отметить, что терапевтический эффект использования героина при лечении кашля обусловлен активацией m-рецепторов, угнетающих кашлевой центр и отменяющих активацию дыхательного центра на повышение углекислого газа в крови, вследствие чего увеличивается время между дыхательными движениями. Кроме этого стимуляция m-рецепторов вызывает эффект анальгезии, а седативное и снотворное действие; снижение уровня сознания, эйфория, ощущение тепла и сонливость являются более выраженными у героина, чем у морфина [6].

Скорость формирования зависимости, то есть перехода от эпизодического добровольного употребления наркотиков к прогрессирующему бесконтрольному их употреблению, зависит от типа наркотика, характера и частоты употребления, возраста, пола и генетической предрасположенности человека. В этом видится важный социальный аспект, поскольку распространение в обществе соответствующих видов наркотиков приводит и к различной скорости прозелитивного распространения наркомании, то есть фактического патофизиологического и ментального заражения наркопотребителями окружающих граждан.

Согласно современным научным данным наркотическая зависимость приводит к дисфункции префронтальной и орбитофронтальной коры головного мозга. Следовательно, можно предположить, что развитие хронической зависимости и появление компульсивности, при которой организм восполняет новую дозу вещества, взаимосвязано за счет баланса поведенческого контроля от корковых центров к полосатому телу базальных ганглиев мозга. Поэтому при хроническом потреблении алкоголя или наркотических веществ у человека нарушаются поведенческие и когнитивные функции, включая ухудшение адаптации в окружающей среде, способности рационально мыслить и в том числе оценивать потенциальную опасность и вред от потребления наркотика [3]. Следовательно, проявляются правовые (наступление ответственности за незаконный оборот наркотиков), социальные (в частности, проблемы в семье) и медицинские (ухудшение здоровья) аспекты рассматриваемой проблемы.

Клиническая картина употребления героина весьма однотипна для опиатов. Наиболее характерными клиническими признаками являются миоз (резкое сужение зрачка) со снижением или отсутствием реакции на свет, брадипноэ – снижения количества дыхательных движений до 6-8 раз в минуту. Наблюдаются также симптомы угнетения ЦНС. При легкой стадии человек доступен для контакта, несмотря на сонливость и дезориентированность. При прогрессировании симптомов угнетение сознания переходит в состояние комы, положение больного пассивное, все рефлексы угнетены. При тяжелых состояниях нарушены дыхание и гемодинамика вплоть до полной остановки сердца.

Выявлено еще одно биохимическое свойство героина, связанное с достаточно быстрой экскрецией его из организма – до 7 часов. После этого стремительно развивается абстинентный синдром, также известный как «ломка».

Состояние такого человека стремительно ухудшается: первые симптомы характеризуются частым дыханием, потливостью, слезотечением, гипертермией, зевотой, носовым кровотечением, эффектом гусиной кожи, тремором, раздражительностью и мидриазом (расширение зрачков). Зависимый человек настойчиво пытается найти новую дозу наркотика. Через двое суток симптомы ухудшаются: появляются бессонница, тошнота, рвота, диарея, общая слабость, схваткообразные боли в животе, учащенное сердцебиение, артериальная гипертония, непроизвольные спастические мышечные сокращения, движения в конечностях. Важно отметить, что при употреблении больших доз опиатов угнетается сердечная деятельность и дыхание вплоть до их полной остановки. В экстренных случаях применяется антидотная терапия с использованием налоксона [7], являющегося антагонистом опиатов, благодаря чему он блокирует действие наркотика на опиоидные рецепторы.

Сопутствующим лечением в стационаре являются детоксикационная и симптоматическая терапия, направленные на преодоление угрозы жизни человека в экстренной ситуации. Однако, даже когда препарат полностью выведен из организма, возникает проблема сформированной стойкой зависимости с высокой потребностью новой дозы вещества даже после длительного воздержания. Именно это является основной проблемой при лечении наркотической зависимости опиоидными препаратами.

В настоящее время в ряде стран наиболее оптимальным способом лечения хронической зависимости является плановая отмена употребления наркотика. Постепенный отказ от употребления опиатов заключается в замене незаконного приема наркотика на регулярное получение препарата со схожими эффектами. Так, в докладе английской комиссии еще 1926 года, посвященном немедицинскому употреблению наркотиков, было указано на существование «стабильных» наркоманов, которые при получении регулярных доз опиоидов (героина, морфия) способны сохранять нормальный образ жизни и работоспособность. В 1959 году канадский врач Роберт Холлидей впервые применил для поддерживающей терапии метадон, после чего данный метод лечения стал распространяться во многих странах для борьбы с героиновой зависимостью. В 1970 году доктору Роберту Ньюману (Нью-Йорк) удалось разработать систему метадоновой терапии людей с героиновой зависимостью, за что он получил прозвище «Доктор Метадон».

По химическому происхождению метадон является синтетическим препаратом из группы опиоидов. Он обладает высоким сродством к опиатным рецепторам, за счет чего аналогично героину вызывает ингибирующее действие на дыхательный и кашлевой центр и оказывает обезболивающий эффект. Благодаря этим свойствам метадон нашел применение при паллиативном лечении кашля, а также в качестве сильнодействующего обезболивающего при паллиативном лечении тяжелобольных. В терапевтических дозах метадон проявляет анальгезирующее и седативное действие, при этом эйфорический эффект значительно уступает героину. Важной особенностью метадо-

на является более длительный по сравнению с героином период выведения наркотика из организма. Биохимической особенностью метадона является его способность депонироваться в жировой ткани, благодаря чему при регулярных дозах его концентрация в крови колеблется незначительно [6, p. 829-834]. Следовательно, метадон весьма интересная молекула с точки зрения ее фармакологических и клинических характеристик, обладающая также хорошей переносимостью для определенной категории пациентов. Однако применение метадоновой терапии формирует в обществе представление о возможности фактического употребления наркотических средств лицами, которые либо совершили наркопреступление либо вели асоциальный образ жизни, несовместимый с традиционными духовно-нравственными ценностями. Более того, имеются и побочные негативные эффекты такой терапии, выражающиеся в расширении снабжения наркотиками медицинских учреждений, которые будут использовать метадоновую заместительную терапию, что создаст фоновые ситуации относительно легкой доступности данных наркотиков. Эти обстоятельства обосновано привело к тому, что в Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года одной из мер сокращения числа больных наркоманией, а также лиц, у которых диагностировано пагубное (с негативными последствиями) потребление наркотиков, выступает недопущение применения в Российской Федерации методов заместительной терапии при лечении наркомании (использование наркотиков) (пп. «а» п. 15).

Следует отметить, что метод использования опиоидных препаратов в борьбе с наркозависимостью находит как сторонников, так и противников. Заместительная терапия одобряется либеральной точкой зрения, согласно которой люди, являющиеся наркозависимыми, в первую очередь психически и физически больны и нуждаются в медикаментозном и ином лечении. По результатам контролируемых исследований было выявлено, что все варианты фармакотерапии с использованием таких препаратов, как метадон, а также бупренорфин, налтрексон и SROM, были более эффективны в отношении удержания в лечении, чем нефармакологические вмешательства [4, p. 284-287]. Следовательно, можно предположить, что метадон, по-видимому, является достаточно эффективной фармакотерапией при оценке продолжительности прохождения пациентами программы терапии.

Человек, находящийся на регулярной заместительной терапии, имеет больше контроля над своей жизнью по сравнению с типичным потребителем наркотиков. Однако данный контроль носит временный и искусственный характер. С точки зрения социальных аспектов проблемы, можно отметить, что регулярные дозы препарата в стационаре дают возможность дистанцироваться от микросоциума потребителей наркотиков [5]. Согласно программе метадоновой терапии препарат легально выдается в специальных пунктах, поэтому у зависимого человека необходимость в компульсивном приеме наркотика значительно снижается. В связи с этим было отмечено снижение

количества преступлений. Поддерживающая терапия проводится во многих странах Америки, Западной и Восточной Европы и СНГ [1]. Однако, подчеркнем, что данный подход фактически придает механизму лечения наркозависимости искусственный и, по сути, клинический характер, что значительно расходится с поставленными целями.

Противниками заместительной опиоидной терапии зачастую выступают религиозные организации, правоохранительные органы, иногда пациенты и их родственники. В России метадон внесен в список запрещенных препаратов, а применение его в немедицинских целях запрещено административным и, применительно к обороту, уголовным законодательством. Сотрудники Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России указывают на то обстоятельство, что заместительная терапия направлена на избавление от опиатной зависимости, в то время как после 2010-х годов большую популярность завоевали синтетические наркотики и каннабиноиды: в «топ» вошли метадон, альфа-ПВП, синтетический гашиш и конопля[1]. Следовательно, использование опиоидов для лечения наркотической зависимости можно расценивать как легализацию наркотиков вместо борьбы с ними и полноценного избавления от героина.

Русская Православная Церковь признает эффекты заместительной терапии только в снижении социального вреда от зависимого человека, утверждая при этом, что она не способна излечить человека и избавить его от физической и психологической зависимости. В качестве альтернативы предлагается распространенная программа «12 шагов». Она направлена на социальный и психологический аспект зависимости: признание беспомощности, анализ и коллективное обсуждение совершенных ошибок, принятие ответственности за свою жизнь. Однако это не подразумевает излечение от физической тяги к употреблению, сформированной в головном мозге.

Проблема научных исследований и поиска способов избавления от опиоидной зависимости заключается в том, что наркомания является одной из наиболее тревожащих тем и обсуждается специалистами разных сфер деятельности – врачами, нейробиологами, биохимиками, психологами, социологами. Необходимо отметить также политические, криминологические, уголовно-правовые, социологические и культурные векторы развития этой проблемы [2, с. 78-79]. Употребление наркотиков с любыми целями и сами наркозависимые люди до сих пор воспринимаются крайне негативно только с точки зрения нелегальности, а использование заместительных препаратов в качестве метода избавления от зависимости воспринимаются как попытка легализации наркотиков, что, разумеется, встречает только негативное отношение со стороны общественности.

1 К вопросу о заместительной терапии с применением метадона при лечении опиоидной зависимости. URL.: https://serbsky.ru/2022/07/05/k-voprosu-o-zamestitelnoj-terapii-s-primeneniem-metadona-pri-lechenii-opioidnoj-zavisimosti/.

Таким образом, на основе изложенного материала допустимо заключить, что проблема употребления наркотиков стоит достаточно остро и охватывает все слои общества и сферы жизни. Более того, данная проблема является как социальной, так и медицинской.

При этом противодействие социальному наркотизму и незаконному обороту наркотиков осуществляется на всех уровнях, в том числе и на государственном. В мировой практике перспективным решением для лечения и реабилитации пациентов с тяжелыми опиоидными зависимостями стала заместительная терапия, долговременно купирующая абстинентный синдром. Однако, несмотря на ее некоторые плюсы в уменьшении социального вреда и перспективности полного избавления от зависимости, методика плановой отмены находит как положительную, так и негативную точку зрения среди научной общественности. Вывод о том, насколько этот способ мог бы быть эффективен в нашей стране, должен оставаться только как предмет научной дискуссии, поскольку неприемлемость применения в Российской Федерации заместительной метадоновой терапии носит обоснованный и очевидный характер.

Библиографический список

1. Тепляшин, П.В. Наркотики в тюрьмах Европы: опыт применения заместительной терапии и проблемы профилактики незаконного оборота наркотиков / П.В. Тепляшин // Наркоконтроль. – 2017. – № 2. – С. 41-46.

2. Шинкевич, В.Е. Социологическая и криминологическая оценка динамики наркопотребления, совершаемых наркопреступлений и рекомендации по профилактике незаконного оборота опийных наркотиков в Российской Федерации / В.Е. Шинкевич, П.В. Тепляшин, Е.А. Мамай, Е.Н. Бен // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2021. – № 2. – С. 75-82.

3. Abdulaal, A. Cognitive dysfunction in adolescent with substance use disorder / A. Abdulaal, A.E. Tantawy, O. Ibrahim, H. Elbadry, H. Hassan // Middle East Current Psychiatry. – 2023. – V. 30. – I. 1 – P. 23-45.

4. Andersson, L. A transition of power in opioid substitution treatment: Clinic managers' views on the consequences of a patient choice reform / L. Andersson // Nordic Alkohol Nark. – 2022. – V. 39. – I. 3 – P. 279-300.

5. Kreutzwiser, D. Methadone for Pain Management: A Pharmacotherapeutic Review / D. Kreutzwiser, Q. Tawfic // CNS Druds. – 2020. – V. 34. – I. 8. – P. 827-839.

6. Miella M.S., D'Ottavio G., De Pirro S., Barra M., Caprioli D. Heroin and its metabolites: relevance to heroin use disorder / M.S. Miella, G. D'Ottavio, S. De Pirro et al // Trans Psychiatry. – 2023. – № 13(120).

7. Naloxone as an antidote for angiotensin converting enzyme inhibitor poisoning: a case report / V. Trivedi, B.A. Glezerson, D. Chaudhuri et al // Canadian Journal of Anesthesia. – 2020. – V. 67. – I. 10. – P. 1442-1443.

8. Opioid system and related ligands: from the past to future perspectives / L. Rullo, C. Morosini, A. Lacorte et al // Journal Anesthesia, Analgesia and Critical Care. – 2024. – V. 4. – I. 70. – P. 1-15.

9. Synthetic opioids: a review and clinical update / A. Shafi, A.J. Berry, H. Sumnall et al // Therapeutic Advances in Psychopharmacology. – 2022. – V. 12. – P. 1-16.

10. Tarasi, D. Impact of opioids on cellular metabolism: metabolic pathways involved in cancer / D. Tarasi, J. Maynes // Pharmaceutics. – 2023. – V. 15. – I. 9. – P. 1-28.

11. Trade-offs in Substitution Treatment: A Qualitative Study of an Opioid Substitution Therapy Clinic as an Enablingand a Risk-Environment / J.S. Jakobsen, M.L. Kloster, L. Christensen et al // Contemporary Drug Problems. – 2021. – V 49. – I. 1. – P. 1-20.

УДК 343.1

ОБНАРУЖЕНИЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ ИНФОРМАЦИИ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАСКРЫТИЯ НЕОЧЕВИДНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

DETECTION OF ADDITIONAL SOURCES OF INFORMATION AT THE INITIAL STAGE OF DISCLOSURE OF NON-OBVIOUS CRIMES

Евгений Владимирович Буряков,

профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор

bur.e2010@yandex.ru

Ключевые слова:
источники информации, неочевидные преступления, оперативно-розыскные мероприятия, ситуации, этапы.

В статье затрагиваются вопросы, связанные с обнаружением источников информации, которые способствуют сбору сведений о лицах, могущих быть потерпевшими, свидетелями, очевидцами и подозреваемыми, предметах и документах, могущих быть доказательствами по уголовному делу, при раскрытии неочевидных преступлений. Автором анализируется опыт деятельности оперативных подразделений полиции по организации работы в этой сфере. При этом в методических целях за основу принимаются традиционные для оперативно-розыскной деятельности основные направления первоначальных оперативно-розыскных мероприятий по выявлению таких данных.

Keywords:
sources of information, non-obvious crimes, operational-search measures, situations, stages.

The article touches upon issues related to the discovery of information sources that contribute to the collection of information about persons who may be victims, witnesses, eyewitnesses and suspects, objects and documents that may be evidence in a criminal case, in the disclosure of non-obvious crimes. The author analyzes the experience of the operational police units in organizing work in this area. At the same time, for methodological purposes, the main directions of the initial operational search measures for the identification of such data are taken as a basis for operational search activities.

Раскрытие преступлений и обнаружение лиц, их совершивших, является важнейшей задачей оперативно-розыскной деятельности, в процессе которой решаются различные оперативно-тактические задачи частного характера. Основная часть преступлений, относящихся к компетенции подразделений уголовного розыска, являются неочевидными в силу того, что преступники совершают их в тайне от окружающих, для чего прибегают к сокрытию следов преступной деятельности, заранее планируя свои действия по созданию алиби, изменению внешности, воздействию на участников судопроизводства, укрытию орудий преступления, похищенного имущества и др. Поэтому в целях установление виновных лиц необходимо осуществить выявление лиц, которые могут быть причастны к совершенному деянию, документирование их криминальных действий и обеспечение процесса доказывания по уголовным делам, что, в свою очередь, предполагает осуществление комплекса оперативно-розыскных мероприятий, направленных на обнаружение доказательственной информации.

Вопросы раскрытия преступлений имеют специфический характер и зависят от ряда факторов, среди которых можно выделить вид преступного деяния (кража, грабеж, мошенничество, убийство и др., при этом «ряд преступных деяний практически полностью перешел в сегмент информационно-телекоммуникационных технологий, например, незаконный сбыт наркотических средств в подавляющем большинстве случаев совершается бесконтактным способом» [3, с. 62-66], и т.д.); объем и практическую ценность исходной информации (есть конкретные подозреваемые лица, имеются приметы преступников и их следы, оставленные на месте происшествия, либо полностью отсутствует какая-либо информация о виновных лицах); его очевидность (очевидное, неочевидное, латентное); умысел (умышленное, неумышленное, что, как правило, проявляется в заранее планируемых или спонтанных действиях); повторяемость (разовое, серийное); оперативно-тактическая готовность органов внутренних дел к реагированию на криминальные события, профессионализм должностных лиц и многое другое. Следовательно, методика раскрытия преступлений имеет особенности и закономерности, которые базируются на многолетнем опыте деятельности оперативных подразделений: что-то подобное из преступных деяний уже когда-то происходило и лица, их совершившие, были установлены благодаря определенным действиям правоохранительных органов, поэтому, исходя из вышеперечисленных факторов, существуют алгоритмы действий, способствующие раскрытию преступлений. Не случайно С.И. Давыдов представляет оперативно-розыскную методику как систему научных положений и разрабатываемых на их основе методических рекомендаций по организации и тактике эффективного применения оперативно-розыскных сил, средств и методов в предупреждении и раскрытии отдельных видов преступлений [2, с. 12]. Кроме того, в ее основе также лежит временной фактор – деление опе-

ративно-розыскных мероприятий на различные этапы: первоначальные[1] и последующие ОРМ, проводимые сотрудниками уголовного розыска во взаимодействии с другими подразделениями.

Обнаружение доказательственной информации лежит в основе раскрытия неочевидных преступлений, поэтому рассмотрим источники получения информации на первоначальном этапе работы по уголовным делам, т.к. именно в этот период собираются сведения, способствующие построению следственных и оперативно-розыскных версий, на основании которых возможно установление и привлечение к уголовной ответственности виновных лиц.

При проведении первоначальных оперативно-розыскных мероприятий по неочевидным преступлениям уже в ходе осмотра места происшествия перед сотрудниками уголовного розыска ввиду недостатка сведений о случившемся преступном деянии стоит задача по обнаружению дополнительных источников информации о произошедшем криминальном деянии. В это время поддерживается тесная связь между следственно-оперативной группой и дежурной частью территориального органа внутренних дел, которая «при исполнении возложенных на нее задач принимает непосредственное участие в реализации мер по раскрытию преступлений путем обеспечения постоянного процесса сбора и обработки криминалистически значимой информации и ее трансформации в деятельность служб» [7, с. 130]. Н.Е. Мерецкий утверждает, что в этот период необходимо продумывать направление дальнейшего расследования, которое обусловлено сложившейся ситуацией, зависящей от сущности обнаруженных следов [6, с. 75], а А.Е. Чечётин и В.Ф. Луговик выделяют направления осуществления первоначальных оперативно-розыскных мероприятий, к которым относят ОРМ по проверке заподозренных и состоящих на учетах органов внутренних дел лиц; в местах концентрации преступного элемента и сбыта похищенного; по пути вероятного отхода преступника и местах его вероятного появления; а также общерозыскные мероприятия [9, с. 22], на основе которых далее рассмотрим источники получения сведений о преступном деянии.

Одним из основных направлений осуществления ОРМ являются мероприятия по проверке заподозренных и состоящих на учетах ОВД лиц. В случаях, когда имеются приметы преступников и потерпевшие или очевидцы преступления могут опознать преступников, необходимо провести отождествление их личности путем предъявления фотоальбомов или видеотек, имеющихся в органах внутренних дел; организовать процессуальное опознание личности в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона; составить фоторобот либо рисованный портрет преступника; ориен-

1 В теории оперативно-розыскной деятельности первоначальными оперативно-розыскными мероприятиями принято считать ОРМ, осуществляемые до 10 суток с момента возбуждения уголовного дела: во-первых, это связано с наибольшей интенсивностью их ведения после совершения преступления, во-вторых, с заведением в ряде случаев дел оперативного учета.

тировать о приметах преступников и похищенном имуществе сотрудников органов внутренних дел; организовать патрулирование с потерпевшими и очевидцами в местах вероятного появления преступников; запросить в информационном центре сведения о лицах, имеющих схожие приметы, списки лиц, ранее судимых за аналогичные преступления.

Анализ деятельности подразделений уголовного розыска показывает, что в том случае, если имеются подозреваемые лица, необходимо осуществлять проверку таких лиц. Она имеет целью получение доказательственной и иной информации о причастности к конкретному преступлению и включает в себя комплекс оперативно-розыскных мероприятий. Используемые при этом тактические приемы напрямую зависят от объема той доказательственной информации, которую удалось получить в результате осуществления первоначальных ОРМ и неотложных следственных действий. Исключительно важное значение в этот момент имеет взаимодействие сотрудников уголовного розыска со следователем, в производстве которого находится уголовное дело и который обладает соответствующими полномочиями по проведению необходимых следственных действий по закреплению полученных оперативно-розыскных данных. Проверку с целью установления причастности лица к совершенному преступлению целесообразно начинать с обращения к имеющимся учетам органов внутренних дел для получения сведений о наличии фотографий, особых приметах, прежних судимостях, способах совершения преступлений, фактах совершенных административных правонарушений, месте регистрации, наличии автотранспорта, связях проверяемого и др. Если будет установлено наличие архивных уголовных или дел оперативного учета, заведенных в отношении проверяемого, их следует изучить в целях выявления преступных связей и иной информации, представляющей оперативный интерес для раскрытия преступления.

В ходе сбора сведений о проверяемом лице следует акцентировать внимание на проверке его алиби, особенно по преступлениям против личности, но необходимо иметь в виду, что опытные преступники пытаются заранее обеспечить себе ложное алиби, оставляя свой сотовый телефон на период совершения преступления в ином месте или договариваясь о необходимых для них показаниях со знакомыми. В этих целях опросу подвергаются, как правило, соседи, сослуживцы, родственники и близкие связи подозреваемого лица. Вопреки имеющему зачастую место стереотипу, что эти лица могут подтвердить любые слова подозреваемого и создать ему алиби, всегда могут найтись люди из этого окружения, которые по каким-либо причинам имеют с проверяемым лицом неприязненные отношения или конфликтные ситуации и могут дать правдивые сведения.

После сбора информации о личности и поведении проверяемого необходимо проводить его опрос, который предваряет официальный допрос. Он может быть начат в зашифрованной форме, когда опрашиваемому не сообщается истинная цель беседы, в чем именно он подозревается, либо сообща-

ется мнимая цель, мнимое подозрение. Это делается для того, чтобы определить линию поведения подозреваемого, тактику его защиты, возможное алиби. Одной из основных целей опроса является получение информации о причастности подозреваемого к совершенному преступлению, а также убеждение опрашиваемого в целесообразности дачи правдивых показаний. В процессе опроса и допроса основное внимание должно обращаться на выявление источников доказательственной информации: возможных очевидцев, мест хранения орудий совершения преступлений и похищенного имущества, имеющихся следов преступной деятельности, последовательности и хронологии его действий, а также других сведений, способствующих полному раскрытию преступления.

В ситуациях [4, с. 230-236], когда имеются следы преступников, оставленные на месте происшествия либо фиксируется полное отсутствие какой-либо информации о виновных лицах, для установления преступников делаются запросы в автоматизированные информационно-поисковые системы для выявления лиц, ранее совершивших преступления таким же способом; изучаются сводки-ориентировки с целью выявления преступлений, совершенных аналогичны способом, а также осуществляется проверка следов, обнаруженных на месте происшествия, по дактилоскопическим учетам, геномной базе данных и т.д. Более сложной представляется задача определения перечня первоначальных ОРМ по раскрытию преступления, когда полученные во время осмотра места происшествия сведения не позволяют произвести отождествление личности и определить круг подозреваемых лиц, а поэтому другим направлением получения дополнительной информации является работа в местах концентрации преступного элемента и сбыта похищенного. В связи с этим необходимо максимально полно использовать сведения о приметах похищенного имущества. Для этого у потерпевших, как правило, еще на этапе осмотра места происшествия выясняется полный перечень всего похищенного имущества, его подробное описание, индивидуальные номера и особые приметы. Информация о приметах похищенных вещей и ценностей передается в дежурную часть полиции с целью последующего ориентирования личного состава. По возможности необходимо получить фотоснимки похищенных либо аналогичных таким предметам и приложить их к ориентировке о совершенном преступлении. Вещи и ценности в установленном порядке ставятся на учет, а имеющие индивидуальные номера и представляющие особую ценность – на централизованный учет. Для обнаружения похищенного осуществляется поисковая работа в местах его вероятного сбыта: на рынках, в ломбардах, среди лиц, систематически занимающихся скупкой краденого, что, например, характерно для лиц цыганской национальности; проверяются вещи и ценности, изъятые у лиц, задержанных по подозрению в совершении преступлений и за административные правонарушения.

Изучение опыта деятельности по раскрытию преступлений показало, что на первоначальном этапе поиск дополнительных источников информации

также возможен по пути вероятного отхода преступника и в местах его вероятного появления путем обследования местности, проведения подворно-поквартирных обходов, использования возможностей технических средств и поиска в сети Интернет. Для решения этой задачи уже в рамках осуществления осмотра места происшествия проводится обследование местности в районе совершения преступления (подъездов, чердаков, подвалов, лесопосадок и др.), что позволяет обнаружить следы обуви и транспортных средств, оставленные преступниками; орудия совершения преступления; похищенные вещи, которые были спрятаны в укромных местах ввиду большого их количества, веса или объема с тем, чтобы забрать их позднее.

На первоначальном этапе раскрытия преступлений в целях сбора дополнительной информации большое значение придается подворно-поквартирным обходам, которые проводятся при работе следственно-оперативной группы на месте происшествия, а при необходимости могут осуществляться повторно, охватывать гораздо большую территорию (в основном при совершении тяжких преступлений) и для их организации, как правило, привлекаются дополнительные силы. В этих случаях сотрудники уголовного розыска должны провести необходимые организационные мероприятия: разбивку территории на отдельные участки для каждого исполнителя, разработку памятки (списка вопросов) каждому участнику, подробный инструктаж задействованных лиц, сбор и анализ полученной информации по результатам обхода. В процессе этого мероприятия выявляются лица, которые могли оказаться очевидцами совершения преступлений либо могли видеть предполагаемых преступников и наблюдать маршрут их передвижения. В этих же целях осуществляется поиск видеокамер, автомобильных видеорегистраторов, средств сотовой связи в районе совершения преступления, которые в последние годы все чаще используются в раскрытии преступлений. Так, исследования, проведенные Н.А. Кузьминым и А.Ю. Половинкой, показывают, что из общего числа установленных на территории Российской Федерации камер видеонаблюдения около 23% (около 119 тыс.) имеют функциональную возможность определения биометрических параметров человека. При этом только 70% видеокамер обеспечены выводом информации в органы внутренних дел» [5, с. 178]. В.Б. Батоевым отмечает, «что только в г. Москве использование ПС АПК «Безопасный город» позволило раскрыть более 7,7 тыс. преступлений, 213 из которых – по линии противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ; задержать 695 разыскиваемых лиц; выявить 1576 фактов нарушения предписаний лицами, находящимися под административным надзором; установить 1591 лицо, представляющее оперативный интерес для оперативных подразделений по противодействию экстремизму» [1, с. 125]. Таким образом, благодаря техническим средствам выявляются дополнительные источники информации, позволяющие раскрыть преступление.

Кроме того, в современном обществе значительная часть информации находится в сети Интернет и по большей части является открытой для публичного ознакомления [10, с. 83], и, по мнению М.О. Янгаева и Н.О. Павленко, «благодаря разведке по открытым источникам можно получить криминалистически значимую информацию ориентирующего характера, которая может быть использована для выдвижения версий, определения направлений расследования» [11, с. 135], а также, например, выявить факты, когда потерпевшие накануне совершения в отношении них преступления в сети Интернет дают на «Авито» объявления о продажи автомобиля, квартиры или дорогостоящих вещей, что позволяет выявить серию аналогичных преступлений и раскрыть их. Таким образом, научно-технический прогресс способствует обнаружению новых дополнительных источников информации в целях раскрытия неочевидных преступлений.

Что касается последнего направления первоначальных ОРМ по выявлению дополнительных источников информации – общерозыскных мероприятий, то к ним следует отнести анализ оперативной обстановки, ориентирование соседних органов внутренних дел об обстоятельствах совершенного преступления; обмен информацией с другими оперативными службами и периодическое информирование населения о нераскрытом преступлении через средства массовой информации. Поэтому в целях обнаружения новых сведений и раскрытия преступлений может осуществляться регулярный анализ всех сведений о криминогенной обстановке на территории оперативного обслуживания, поступающей в дежурную часть полиции (в день совершения преступления, а также в предшествующие и последующие дни); анализ отказных материалов и уголовных дел по нераскрытым преступлениям для выявления аналогичных деяний, совершенных предположительно одними и теми же лицами, с целью объединения и систематизации поисковой информации; регулярная проверка данных, полученных в процессе раскрытия преступления, по оперативно-розыскным и иным учетам ОВД (по приметам предполагаемого преступника, способу совершения преступления, кличке, приметам похищенного и т.д.); ориентирование личного состава и конфидентов территориальных органов; взаимодействие с оперативными подразделениями исправительных учреждений по отработке осужденных, подозреваемых в совершении конкретных нераскрытых преступлений, организации проверок явок с повинной, поступивших от осужденных, а также путем направления в адрес территориальных органов внутренних дел инициативных сообщений, которые содержат оперативную информацию, используемую в целях борьбы с преступностью. Кроме того, в последние годы получило распространение информирование населения о совершаемых преступлениях через СМИ посредством использования радио, телевидения, печатных и электронных изданий. Однако, как отмечают А.Ю. Сыпачев и С.А. Ярошенко, «следует иметь в виду, что информирование широких кругов населения может вызвать неже-

лательный общественный резонанс, негативно сказаться на производственной, бытовой и иных сторонах жизни людей, породить разного рода слухи, что создает информационные помехи, а иногда ведет к дезориентации оперативных сотрудников» [8, с. 132], что, конечно же, необходимо учитывать при подготовке материалов о тех или иных произошедших событиях для средств массовой информации.

Таким образом, системная работа по планированию оперативно-розыскных мероприятий на первоначальном этапе раскрытия неочевидных преступлений в целях обнаружения дополнительных источников информации позволяет получить доказательственную и иную информацию о причастности виновных лиц к конкретному преступлению и привлечь их к ответственности.

Библиографический список

1. Батоев, В.Б. Об использовании аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» при противодействии преступности (оперативно-розыскной аспект) / В.Б. Батоев // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2023. – № 1(62). – С. 122-126.

2. Давыдов, С.И. Проблемные вопросы теории оперативно-розыскной методики / С.И. Давыдов // Оперативник (сыщик). – 2010. – № 2 (23). – С. 12-16.

3. Иванов, В.Ю. Использование OSINT в раскрытии и расследовании преступлений / В.Ю. Иванов// Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2023. – № 1. – С. 62-66.

4. Ким, Д.В. Оперативно-розыскные ситуации как объект криминалистического исследования / Д.В. Ким // Общество и право. – 2008. – № 2(20). – С. 230-236.

5. Кузьмин, Н.А. О некоторых возможностях использования искусственного интеллекта в системе АПК «Безопасный город» при раскрытии преступлений в г. Москве / Н.А. Кузьмин, А.Ю. Половинка // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 5. – С. 177-180.

6. Мерецкий, Н.Е. Возможности применения криминалистической идентификации в алгоритмизации раскрытия и расследования преступлений / Н.Е. Мерецкий // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2023. – № 2(63). – С. 74-79.

7. Миронов, А.М. Об использовании дежурными частями органов внутренних дел оперативно-справочных, криминалистических и справочно-вспомогательных учетов в процессе раскрытия преступления / А.М. Миронов // Вестник ВИПК МВД России. – 2023. – № 2 (66). – С. 128-134.

8. Сыпачев, А.Ю. Отдельные аспекты раскрытия умышленных убийств / А.Ю. Сыпачев, С.А. Ярошенко С.А. // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2018. – № 4(46). – С. 129-134.

9. Чечётин, А.Е. Раскрытие преступлений аппаратами уголовного розыска: учебное наглядное пособие / А.Е. Чечётин, В.Ф. Луговик. – Барнаул, 2002. – 131 с.

10. Фаниев, П.А. Тихая разведка OSINT как способ получения криминалистически значимой информации / П.А. Фаниев // Научный портал МВД России. –2023. – № 2 (62). – С. 82-87.

10. Янгаева, М.О. OSINT. Получение криминалистически значимой информации из сети Интернет / М.О. Янгаева, Н.О. Павленко // Алтайский юридический вестник. – 2022. – № 2 (38). – С. 131-135.

УДК 343.102

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ON THE ISSUE OF THE CONCEPT OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITY

Олег Хамитович Галимов,

профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск), кандидат юридических наук, доцент, судья Красноярского краевого суда в почетной отставке

galimov_oleg@mail.ru

Ключевые слова:
оперативно-розыскная деятельность, розыск, сыск, оперативные подразделения, результаты ОРД.

В статье автор рассматривает различные точки зрения относительно законодательного и концептуального понятий оперативно-розыскной деятельности. Отмечает, что, несмотря на законодательно закрепленное понятие и кажущуюся «простоту и понятность» такой деятельности, а во многом именно благодаря этому, вопрос дефиниции ОРД, элементов, входящих в ее содержание, акцентуации отдельных направлений деятельности среди исследователей является дискуссионным; формулирует авторское определение ОРД.

Keywords:
operational search activity, search, investigation, operational units, results of the ORD.

In the article, the author examines various points of view regarding the legislative and conceptual concepts of operational investigative activities. He notes that, despite the legally established concept and the apparent «simplicity and clarity» of such activities, and in many ways precisely because of this, the question of the definition of HORDES, the elements included in its content, the accentuation of certain areas of activity among researchers is debatable; formulates the author's definition of hordes.

Оперативно-розыскная деятельность (ОРД) – это особый вид деятельности государственных органов; специфическая деятельность, осуществляемая специальными государственными органами (полицией, ФСБ, СКР и др.) с целью выявления, предотвращения, раскрытия и расследования преступлений, розыска скрывающихся от следствия и суда лиц, установления местонахождения пропавших без вести, а также сбора сведений, имеющих значение для реализации мер безопасности и охраны общественного порядка.

Исходя из темы статьи, мы не будем касаться вопросов целей, задач, принципов, средств и методов оперативно-розыскной деятельности, характеристики ее участников. Остановимся исключительно на понятийном значении рассматриваемой категории.

Официальное определение ОРД закреплено в Федеральном законе от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД). Согласно ст. 1 данного закона ОРД понимается следующим образом: «Оперативно-розыскная деятельность – вид деятельности, осуществляемый гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то настоящим федеральным законом, в пределах их полномочий посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств».

Однако, несмотря на законодательно закрепленное понятие и кажущуюся «простоту и понятность» такой деятельности, а во многом именно благодаря этому, вопрос дефиниции ОРД, элементов, входящих в ее содержание, акцентуации отдельных направлений деятельности среди исследователей является дискуссионным. Это касается также самого наименования (оперативно-розыскная или оперативно-разыскная деятельность).

Исходя из анализа специальной литературы, можно выделить несколько научных подходов относительно понятия ОРД. Первый (и наиболее многочисленный) – ОРД понимается как особый вид государственной деятельности (деятельности государственных органов).

Ряд авторов определяют оперативно-розыскную деятельность как разновидность социально полезной, юридической деятельности государства, осуществляемой гласно и негласно специальными органами, уполномоченными законом. Основной характерной чертой ОРД является ее разведывательно-поисковая сущность, поскольку она направлена главным образом на выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений путем реализации правоохранительной функции государства [9; 18].

Так, по мнению В.К. Зникина, «оперативно-розыскная деятельность представляет собой необходимый и полезный вид деятельности для человека, общества и государства, осуществляемый специальными субъектами, уполномоченными государством для борьбы с преступностью... Этот вид деятельности, объективно необходимой и общественно полезной, характеризуется следующими признаками: наличием государственно-правового характера;

организационного и структурного обособления от других видов деятельности за счет специального круга субъектов, уполномоченных государством его осуществлять; реализации своей деятельности при помощи присущих только для этого вида деятельности средств и методов, имеющих специфическую форму оперативно-розыскных мероприятий» [8, с. 12].

А.В. Можаров определяет ОРД как вид деятельности, осуществляемый гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то законодательством, в пределах их полномочий посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) в целях защиты объектов уголовно-правовой охраны от преступных посягательств [13, с. 519].

А.Н. Гущин рассматривает ОРД в качестве «специфического вида деятельности, являющейся разновидностью опосредованной правовыми нормами государственно-властной деятельности компетентных государственных органов, нацеленной на выполнение социально полезных задач и функций. Она опирается на законодательные и правовые нормы, но не является полностью юридической, поскольку по ряду позиций имеет специфические объекты и содержит фактические отношения и действия» [5, с. 19].

Оперативно-розыскную деятельность возможно рассматривать через призму ее сущности как особый вид государственной деятельности, осуществляемой гласно и негласно в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств, на основании Закона об ОРД и проводимой оперативными уполномоченными оперативными подразделениями посредством основного механизма в виде ОРМ [21, с. 36].

В рамках данного подхода авторы акцентируют внимание на конкретном виде деятельности, который является определяющим для понятия ОРД.

Так, А.И. Езерская, М.В. Кондратьев и Р.Г. Драпезо характеризуют оперативную деятельность в качестве неотложного, оперативного, быстрого, негласного или гласного, направленного на обнаружение каких-либо сведений об обстоятельствах, событиях и лицах, в которых имеется оперативный интерес, *поиска* (выделено нами. – О.Г.), решающего задачи оперативно-розыскной деятельности [6, с. 54; 10, с. 171].

По мнению В.П. Легостаева, ОРД определяется как быстрый, гласный или негласный *поиск* информации о лицах и фактах, представляющих оперативный интерес, для решения задач ОРД, которая характеризуется поисковой направленностью этой деятельности [11, с. 195].

Кроме того, сторонники рассматриваемого подхода используют расширительное толкование ОРД. В соответствии с пониманием в широком смысле ОРД – это деятельность, целью которой выступает обеспечение безопасности человека и общества. «В узком смысле ОРД – это основанный на федеральном законодательстве вид социально полезной юридической государственной деятельности уполномоченных на то законодательством субъектов, представ-

ляющий собой систему поведенческих актов конспиративного и гласного применения специальных сил, средств и методов, а также совершения ОРМ и оперативно-тактических действий и принятия оперативно значимых решений, осуществляемый с целью защиты человека и общества от преступных посягательств при наличии объективного затруднения или невозможности достижения этой цели посредством реализации законных средств» [4, с. 145].

Сторонники другого подхода к определению ОРД «во главу угла» ставят систему мероприятий, обеспечивающих особый вид государственной деятельности. Так, В.В. Голубев считает, что оперативно-розыскная деятельность представляет собой систему гласных и негласных мероприятий, которая осуществляется уполномоченными на это федеральным законодательством государственными органами на основе использования определенного перечня оперативно-розыскных сил, средств и методов в целях получения информации о признаках подготавливаемых, совершаемых или совершенных преступлений и лицах, их подготавливающих, совершающих или совершивших, для предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, выявления и установления лиц, подлежащих привлечению к уголовной ответственности, розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, органов следствия и суда, розыска похищенного имущества, а также для обеспечения безопасности и защиты законных интересов личности, общества и государства [3, с. 405].

Оригинальный подход используют А.Е. Чечётин, И.Д. Шатохин, А.А. Шмидт, определяя ОРД через призму конституционных прав и свобод личности: оперативно-розыскная деятельность является одной из государственно-правовых форм борьбы с преступностью, которая по своему характеру, целям и способам их достижения не может не ограничивать конституционных прав лиц, подготавливающих, совершающих или совершивших преступления. При этом законодатель к числу основных принципов оперативно-розыскной деятельности, закрепленных в ст. 3 Закона об ОРД, отнес уважение и соблюдение прав и свобод человека и гражданина [20, с. 4].

Таким образом, несмотря на различные подходы к определению понятия ОРД, у исследователей не возникает сомнений, что это государственная деятельность, осуществляемая исключительно государственными органами.

Российское законодательство допускает возможность проведения действий, внешне схожих с оперативно-розыскными мероприятиями, однако осуществляемых частными лицами на возмездной основе. Речь в данном случае идет о частной детективная и охранной деятельности. Такая деятельность определяется как оказание на возмездной договорной основе услуг физическим и юридическим лицам имеющими специальное разрешение (лицензию), полученную в соответствии с законодательством Российской Федерции, организациями и индивидуальными предпринимателями в целях защиты законных прав и интересов своих клиентов[1]. Однако на граждан, осуществляющих

1 О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации : Закон РФ от 11.03.1992 №2487-1, ст. 1.

частную детективную и охранную деятельность, действие законов, закрепляющих правовой статус работников правоохранительных органов, не распространяется. Более того, частные детективы и охранники не вправе осуществлять какие-либо оперативно-розыскные действия, отнесенные законом к исключительной компетенции органов, которым такое право предоставлено.

Общепризнано, что оперативно-розыскная деятельность носит исключительно правовой характер. Ее нормативной базой является Конституция РФ и федеральное законодательство – специальный закон (Закон об ОРД). Следует отметить, что первый специальный закон, регламентирующий особый вид государственной деятельности, был принят сравнительно недавно – в 1992 г.[1] Ему на смену пришел ныне действующий Закон об ОРД (1995 г.), которому в этом году исполняется 30 лет.

За период действия Закона об ОРД приняты пятнадцать федеральных законов, изменяющих и дополняющих его. Два из них по состоянию на 1 июня 2025 г. еще не вступили в силу: Федеральный закон от 28 февраля 2025 г. № 23-ФЗ, касающийся порядка обработки персональных данных (вступает в силу с 1 июля 2025 г.) и Федеральный закон от 1 апреля 2025 г. № 41-ФЗ, направленный на создание государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий (вступает в силу с 1 сентября 2025 г.).

Несмотря на сравнительно недолгий период существования оперативно-розыскного законодательства (в качестве самостоятельного федерального закона), в науке рассматриваются несколько концептуальных направлений развития правового регулирования ОРД, одним из которых является кодификация.

Выделение рассматриваемого вида деятельности в качестве самостоятельной отрасли российского права (оперативно-розыскного права) с принятием соответствующего закона (Оперативно-розыскного кодекса) имеет как сторонников [2, 15-17], так и противников [1, 7, 14], подтверждающих свою позицию весомыми аргументами.

В частности, противники признания оперативно-розыскного права обращают внимание на отсутствие многосторонних правоотношений в сфере ОРД, специфичность метода воздействия, отсутствие самостоятельного юридического статуса субъектов, осуществляющих ОРД, и пр. Напротив, сторонники признания оперативно-розыскного права в качестве самостоятельной отрасли права обращают внимание на специальный предмет регулирования, наличие системы законодательных и иных нормативных актов, существование определенной правовой среды и др.

Не выражая своего мнения относительно рассматриваемого вопроса (поскольку эта тема требует самостоятельного, более тщательного рассмотрения), отметим, что вопрос о том, существует или не существует оперативно-

1 Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации : Закон РФ от 13.03.1992 № 2506-1.

розыскное право, может быть правильно решен не по усмотрению кого-либо, а только на основе и с учетом общепризнанных положений теории права и предмета оперативно-розыскной деятельности.

Кроме того, необходимо учитывать, что оперативно-розыскная деятельность и регулирующая ее совокупность правовых предписаний представляют собой определенную систему, без серьезного научного анализа концептуальных основ которой вряд ли в современных условиях возможны ее прогрессивные преобразования. Правовое регулирование ОРД носит сложный и многоаспектный характер, и его совершенствование лежит в плоскости решения как фундаментальных, так и прикладных проблем. В настоящее время совершенно очевидным является несоответствие современного состояния правового регулирования оперативно-розыскной деятельности международным стандартам и социально-экономическим реалиям.

Сравнительно недавно у правоприменителя изменились подходы к самому наименованию рассматриваемой деятельности. Это нашло отклик и в теоретических изысканиях: вариант «розыскной» считается устаревшим, современная орфографическая норма – «разыскной» [19].

Действительно, орфографическая норма прилагательного «разыскной» была зафиксирована Русском орфографическом словаре Российской Академии наук в 1999 г. и закрепилась последующих изданиях[1].

Такая новация применительно к юриспруденции вызвала оживленные споры. По нашему мнению, словосочетание «оперативно-разыскная деятельность» вызывает определенный «слуховой дискомфорт».

Основным аргументом сторонников «современного» наименования рассматриваемой деятельности являются правила словообразования, морфологические принципы и семантическое толкование рассматриваемых категорий[2]. В общих чертах – прилагательное «розыскной» является исключением из правил, и необходимо написание данного прилагательного привести в соответствие с правилами русского языка – «разыскной».

---

1 Русский орфографический словарь : около 160 000 слов. М.: Азбуковник, 1999.

2 Прилагательное «разыскной» является исключением из общего правила, согласно которому в русском правописании действует морфологический принцип. Нас сбивает наличие, с одной стороны, существительного «розыск», а с другой – глагола «разыскивать». Приставка, которую мы видим в этих словах, подчиняется особому правилу, которое связано с ударением. Не будем вдаваться в подробности, отметим лишь, что из любого правила существует исключение. По подсчетам лингвистов, морфологическому принципу отвечает 96% написаний русских слов. И лишь 4% – это разного рода исключения. Одно из таких исключений – написание приставки раз- (рас-) / роз- (рос-). Употребление гласных в ней не подчиняется общему правилу, о котором мы говорили выше: безударный гласный здесь не проверяется ударением. Для приставки раз- (рас-) / роз- (рос-) действует особое правило: в безударной позиции пишется буква а, хотя под ударением – только о: раздать, но розданный; расписать, расписной, но роспись; разливать, разливной, но розлив; разыграть, разыгранный, но розыгрыш. Это правило приведено в § 15 официально действующих «Правил русской орфографии и пунктуации» 1956 г. См.: https://gramota.ru/journal/stati/pravila-i-normy/istiny-2-razysknoj.

Но мы имеем дело со сферой юриспруденцией, для которой характерна своя специфику, особенности, историческая обусловленность. В этой связи заслуживают внимания слова М.А. Кронгауза о том, что соображение, которым руководствуются лингвисты, – необходимость в устранении неоправданных исключений, нарушающих системность орфографии, – «отказывается принимать грамотный носитель языка. Пусть три, пусть десять исключений, но он к ним привык, и принцип сохранения графического облика оказывается важнее принципа системности» [12, с. 15]. Это в полной мере относится и к правовой сфере.

Мы – за историческое наследие и правопреемственность! Исторически в советской и российской правовой практике использовался термин «розыскная деятельность», означавший активные действия по поиску и установлению лиц, совершивших преступление. Со временем это понимание трансформировалось в сочетание «оперативно-розыскная деятельность», подразумевающее соединение активных оперативных действий с методами розыска. Некоторые зарубежные аналоги включают аналогичные термины, содержащие элементы розыска и оперативной работы. Поэтому сохранение привычного сочетания помогает поддерживать преемственность и удобство восприятия специалистами. Словосочетание «оперативно-розыскная деятельность» легко воспринимается и интуитивно понятно большинству населения, особенно сотрудникам правоохранительных органов, привыкшим к традиционной терминологии. Сохранение прежнего названия позволяет сохранить память о традициях советского периода, подчеркнуть непрерывность истории российской правоохранительной системы. И основной аргумент – базовый закон определяет рассматриваемый вид деятельности как «оперативно-розыскная деятельность».

Подводя итог, сформулируем понятие: оперативно-розыскная деятельность – это регулируемая законом деятельность специально уполномоченных государственных органов, осуществляемая посредством оперативно-розыскных мероприятий, проводимых на гласной и негласной основе, направленная на выявление, предотвращение, раскрытие и расследование преступлений, розыск скрывающихся от следствия и суда лиц, установления местонахождения пропавших без вести, а также сбор имеющих значение сведений, и обеспечивающая реализации мер безопасности и охраны общественного порядка.

Оперативно-розыскная деятельность является формой борьбы с преступностью и видом правоохранительной деятельности.

Библиографический список

1. Безлепкин, Б.Т. Настольная книга следователя и дознавателя / Б.Т. Безлепкин. – М., 2008. – 256 с.

2. Гирько, С.И. Правоотношения и процедуры в оперативно-розыскной деятельности нуждаются в кодификации / С.И. Гирько // Диалог. – 2020. – № 1 (15). – С. 28-37.

3. Голубев, В.В. Проблемные аспекты понятия оперативно-розыскной деятельности и сущности отдельных видов оперативно-розыскных мероприятий / В.В. Голубев // Вестник науки. – 2025. – №6 (87). – Т. 1. – С. 403-411.

4. Горяинов, К.К. Оперативно-розыскная деятельность / К.К. Горяинов. – М.: ИНФРА-М, 2004. – 831 с.

5. Гущин, А.Н. Проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам : дис. ... канд. юрид. наук / А.Н. Гущин. – Саратов, 2002. – 180 с.

6. Езерская, А.И. Понятие и сущность оперативно-розыскной деятельности и оперативно-розыскных мероприятий, правовая природа их результатов / А.И. Езерская // Вестник ТИУиЭ. – 2023. – № 2 (38). – С. 53-55.

7. Зажицкий, В.И. О проекте Оперативно-розыскного кодекса Российской Федерации / В.И. Зажицкий // Российская юстиция. – 2016. – № 3. – С. 51-55.

8. Зникин, В.К. Теоретические и прикладные основы оперативно-розыскного обеспечения раскрытия и расследования преступлений : учебно-методическое пособие для магистратуры / В.К. Зникин. – Томск: Изд-во НТЛ, 2018. – 180 с.

9. Киселев, А.П. Комментарий к Федеральному закону от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (постатейный) / А.П. Киселев, О.А. Васильев, Ю.В. Белянинова // Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2015.

10. Кондратьев, М.В. Об актуальности оперативно-розыскной деятельности на современном этапе развития государства / М.В. Кондратьев, Р.Г. Драпезо // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 2. – С. 170-176.

11. Легостаев, В.П. ОРД как вид правоохранительной деятельности и ее признаки / В.П. Легостаев // Вестник академии знаний. – 2013. – № 1. – С. 195-199.

12. Лопатин, В.В. Многогранное русское слово: избранные статьи по русскому языку / В.В. Лопатин. – М., 2007. – 743 с.

13. Можаров, А.В. К вопросу о сущности и научном определении термина «Оперативно-розыскная деятельность» / А.В. Можаров // За права военнослужащих. – 2007. – С. 518-521.

14. Насонова, И.А. Рецензия на проект Федерального закона «Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации», подготовленный В.Ф. Луговиком (Омск: Омская юридическая академия, 2014. 96 с.) / И.А. Насонова // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2015. – № 4 (59). – С. 76-78.

15. Павличенко, Н.В., Софронов, В.Н. Рецензия на проект Федерального закона «Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации», подготовленный В.Ф. Луговиком (Омск: Омская юридическая академия, 2014. 96 с.) / Н.В. Павличенко, В.Н. Софронов // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2015. – № 4 (59). – С. 79-80.

16. Парманасов, А.Д. К вопросу о кодификации оперативно-розыскного законодательства Российской Федерации / А.Д. Парманасов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2016. – № 4 (72). – С. 133-137.

17. Современные подходы к правовому регулированию оперативно-розыскной деятельности: инициативные авторские проекты Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» / сост. В.Ф. Луговик. – Омск: Омский юридический институт, 2006. – 92 с.

18. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» : научно-практический комментарий» / под ред. И.Н. Зубова, В.В. Николюка. – М.: Спарк, 1999.

19. Чекмезова, Е.И. Преступления против правосудия : монография / Е.И. Чекмезова. [Электронное издание]. – Омск: Сибирский юридический университет, 2024.

20. Чечётин, А.Е. Оперативно-розыскная деятельность в решениях Конституционного Суда Российской Федерации : научно-практическое пособие / А.Е. Чечётин, И.Д. Шатохин, А.А. Шмидт. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2022. – 136 с.

21. Шведчикова, В. Понятие и задачи оперативно-розыскной деятельности / В. Шведчикова // Вопросы права. – 2024. – №3. – С. 33-37.

УДК 34

ПРАВОВАЯ ОСНОВА ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО БОРЬБЕ СО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВОМ, СОВЕРШАЕМЫМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

LEGAL BASIS FOR OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION TO COMBAT BRIBERY COMMITTED USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES

Динар Минзеферович Фарахиев,

адъюнкт 3 факультета (подготовки научных и научно-педагогических кадров) Академии управления МВД России (г. Москва)

dfarakhiev@mail.ru

Ключевые слова:
органы внутренних дел Российской Федерации, оперативно-розыскная деятельность, борьба со взяточничеством, информационно-телекоммуникационные технологии, правовая основа, совершенствование.

В статье рассматривается система правовой основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по борьбе со взяточничеством, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, состоящая из пяти уровней. Подчеркивается, что правовые нормы, определяющие оперативно-розыскную деятельность в исследуемом направлении, оказывают управленческое воздействие на общественные отношения и одновременно являются важным инструментом для совершенствования самого процесса управления этой деятельностью в условиях цифровизации общественных отношений. Аргументируются трансформация норм действующего законодательства и введение в действие новых нормативных правовых актов.

Keywords:
internal affairs bodies of the Russian Federation, operational investigative activities, anti-bribery, information and telecommunication technologies, legal framework, improvement.

The article examines the system of the legal basis of the operational investigative activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation to combat bribery committed using information and telecommunication technologies, consisting of five levels. It is emphasized that the legal norms defining operational investigative activities in the field under study have a managerial impact on public relations and at the same time are an important tool for improving the very process of managing this activity in the context of digitalization of public relations. The article argues

for the transformation of the norms of current legislation and the introduction of new regulatory legal acts.

Изучение правовых основ оперативно-розыскной деятельности (ОРД) требует глубокого погружения в нормативный правовой массив различных отраслей российского законодательства. Это исследование сопряжено с необходимостью систематизации правовых норм, имеющих прямое отношение к регулированию ОРД и опосредованно на нее влияющих, а также норм, относящихся к правовому обеспечению борьбы с преступностью [2, с. 74]. Результативность их применения в значительной степени обусловлена оптимальностью выбора и четкостью дефиниции наиболее рациональных правовых средств, предназначенных для регулирования общественных отношений [3, с. 6].

В соответствии с положениями ст. 4 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) правовую основу ОРД составляют Конституция РФ, Закон об ОРД, другие федеральные законы и принятые в соответствии с ними иные нормативные правовые акты федеральных органов государственной власти. Кроме того, органы, осуществляющие ОРД, издают в пределах своих полномочий в соответствии с законодательством Российской Федерации нормативные акты, регламентирующие организацию и тактику проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ).

Правовая основа оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации (далее – ОРД ОВД РФ) по борьбе со взяточничеством, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ), представляет собой комплекс нормативных правовых актов различного уровня, которые опираются на общие принципы законности и защиты прав человека, а также на специальные нормы, регулирующие как ОРД в целом, так и противодействие коррупции в сфере ИТТ.

Основываясь на суждениях профессоров В.М. Атмажитова [1], Д.В. Гребельского [4], Г.К. Синилова [10], К.В. Суркова [11], А.Ю. Шумилова [7], В.Ф. Луговика и А.Е. Чечётина [8] и др., нами представляется целесообразным рассматривать систему правовой основы ОРД ОВД РФ по борьбе со взяточничеством, совершаемым с использованием ИТТ, в следующем виде:

конституционные положения;

международные нормативные правовые акты;

федеральные законы;

подзаконные нормативные правовые акты федеральных органов государственной власти;

межведомственные и ведомственные нормативные правовые акты.

Конституционные положения. Законодательной основой правовой регламентации всех направлений ОРД ОВД РФ является Конституция РФ, несмотря

на то, что она непосредственно не регламентирует ОРД. Нормы Конституции РФ содержат общие положения, имеющие принципиальное, основополагающее значение для ОРД ОВД РФ, в том числе по борьбе со взяточничеством, совершаемым с использованием ИТТ. На основе Конституции РФ формулируются принципы ОРД ОВД РФ, строятся предписания безопасности, обеспечения прав и свобод гражданина, создаются предпосылки к принятию законов, охватывающих весь комплекс мер по борьбе со взяточничеством и т.д.

В соответствии с Конституцией РФ конституционными основами правового статуса личности являются, в числе прочего, права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту чести и доброго имени. Проведение ОРМ, сопряженных с ограничением данных прав в целях выявления и документирования анализируемых видов преступлений, возможно исключительно при соблюдении установленных законом условий. Кроме того, Конституция РФ отдельно закрепляет право каждого на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение указанных прав допускается исключительно на основании судебного решения.

Таким образом, Конституция РФ является главным нормативным правовым актом, регламентирующим ОРД ОВД РФ по борьбе со взяточничеством, совершаемым с использованием ИТТ, на основании которого строятся последующие уровни правовой основы.

Международные нормативные правовые акты. Присоединение нашей страны к ряду международных нормативных правовых актов [6, с. 215] путем их ратификации сформировало международно-правовую базу для осуществления ОРД ОВД РФ в целях борьбы со взяточничеством. Основными из них являются Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции[1], Конвенция против транснациональной организованной преступности[2], Конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок[3] и др.

Важно отметить, что в настоящее время не существует отдельных международных актов, посвященных исключительно ОРД ОВД РФ по борьбе со взяточничеством, совершаемым с использованием ИТТ. Международные акты устанавливают общие принципы и стандарты борьбы со взяточничеством, а национальное законодательство конкретизирует их применение в рамках ОРД ОВД РФ. Следовательно, международные нормативные правовые акты

1 Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции : принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Здесь и далее, если не оговорено иное, нормативные правовые акты находятся в СПС «КонсультантПлюс».

2 Конвенция против транснациональной организованной преступности : принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

3 Конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок : заключена в г. Париже 21.11.1997.

являются важным элементом системы борьбы со взяточничеством, совершаемым с использованием ИТТ, определяя ее международный вектор и принципы сотрудничества, но не выступают в качестве прямого регулятора внутренней методики и тактики ОРД ОВД РФ.

Федеральные законы. В настоящее время случаи совершения преступлений, предусмотренных ст. 290-291.2 УК РФ, с использованием технологий, технологических систем, технических средств, компьютерной техники, программных средств, онлайн-сервисов, средств коммуникации (в том числе средств мобильной связи, сервисов обмена мгновенными сообщениями, IP-телефонии), электронных средств платежа, сети Интернет, а также электронных средств платежа, операций с цифровыми правами, рублями, валютами, цифровыми финансовыми и криптовалютными активами, актуализируются, в результате чего повышается уровень общественной опасности в силу изощренности, латентности и анонимности [подр.: 12, с. 74], что требует от законодателя развития нормативной правовой базы.

Основными федеральными законами в области ОРД ОВД РФ по борьбе со взяточничеством, совершаемым с использованием ИТТ, выступают УПК РФ и Закон об ОРД. «В процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам настоящим Кодексом», – говорится в ст. 89 УПК РФ. Вместе с тем ст. 74 УПК РФ не содержит самостоятельного вида доказательства – результаты ОРД, однако в качестве доказательства допускаются иные документы. В рамках рассмотрения данной проблемы профессор В.И. Шаров отмечает, что материалы ОРД могут быть использованы в качестве доказательств [13, с. 181]. При этом он подчеркивает необходимость установления четкого порядка проверки поступивших материалов [13, с. 181]. На наш взгляд, отражение в законодательстве словосочетания «запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности» является некорректным, поскольку Закон об ОРД закрепил одну из основных задач: «выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших».

Кроме того, Закон об ОРД закрепляет перечень ОРМ, основания и условия их проведения, а также основания и порядок судебного рассмотрения материалов об ограничении конституционных прав граждан при проведении ОРМ, вопросы информационного обеспечения, документирования и т.д., что так или иначе связано с борьбой со взяточничеством, совершаемым с использованием ИТТ.

Вместе с тем ст. 5 Федерального закона от 1 апреля 2025 г. № 41-ФЗ вносит изменения в ст. 8 Закон об ОРД, дополняя ее ч. 12 следующего содержания: «В целях наведения справок при наличии технической возможности и с соблюдением мер по обеспечению конфиденциальности и безопасности передаваемой информации может использоваться единая система межведомственного

электронного взаимодействия»[1]. Развивая данное положение, мы предлагаем внести изменения в действующие положения ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», ч. 4 ст. 13 Федерального закона «О полиции», следующего содержания:

1) дополнить статью 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» следующего содержания:

«Наведение справок допускает в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступления средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого преступления, а также в целях выявления и установления лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших.

Требования (запросы) органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, подлежат обязательному исполнению всеми государственными и муниципальными органами, организациями, должностными и иными лицами незамедлительно или в указанный в требовании (запросе) срок, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационных сетей или сети «Интернет».

Допускается изъятие документов, предметов, материалов и (или) электронных носителей информации, в случаях, когда они не были предоставлены государственными и муниципальными органами, организациями, должностными и иными лицами, в установленный законом срок в соответствии с положениями настоящего Федерального закона».

2) часть 4 статьи 13 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» после слов «но не позднее одного месяца с момента вручения требования (запроса, представления, предписания)» дополнить словами: «*за исключением случаев, предусмотренных Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности*».

Принимая во внимание, что ОВД РФ для решения задач, возложенных на них по борьбе со взяточничеством, совершаемым с использованием ИТТ, могут создавать и использовать информационные системы, в целях нивелирования возникающих в практике проблем предлагаем дополнить ст. 15 Закона об ОРД частью 1.1 следующего содержания:

«В целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступления средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого преступления, органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, уполномочены использовать информационно-телекоммуникационные сети или сеть «Интернет» для своевременного получения сведений по требованию (запросу)».

В настоящее время для обеспечения предупреждения, выявления и пресечения правонарушений и преступлений, совершаемых с использованием информационных и коммуникационных технологий, организации взаимо-

1 О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 01.04.2025 № 41-ФЗ.

действия субъектов, поименованных в ч. 6 ст. 1 Федерального закона от 1 апреля 2025 г. № 41-ФЗ, при реализации мероприятий по выявлению, пресечению противоправных действий и противодействию им, а также при обнаружении и ограничении доступа к дезинформации создана государственная информационная система противодействия правонарушениям в сфере информационных и коммуникационных технологий. Хранение информации в государственной информационной системе противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, осуществляется в отношении сведений о лицах, совершивших противоправные действия с использованием сети связи общего пользования, включая данные об абонентских номерах, использованных при совершении таких действий. Указанная информация подлежит хранению при условии ее получения в порядке, установленном Правительством РФ по согласованию с федеральным органом исполнительной власти в области обеспечения безопасности.

Таким образом, законодательный уровень ОРД ОВД РФ по борьбе со взяточничеством, совершаемым с использованием ИТТ, требует определенных трансформаций в целях совершенствования ОРД в целом. По мнению автора, предложенные изменения положительно отразятся на ОРД ОВД РФ по борьбе со взяточничеством, совершаемым с использованием ИТТ.

Подзаконные нормативные правовые акты федеральных органов государственной власти. В рамках данного уровня правовой основы ОРД ОВД РФ по борьбе со взяточничеством, совершаемым с использованием ИТТ, необходимо выделять следующие основные акты:

– указы Президента РФ, регламентирующие: вопросы[1] и некоторые вопросы[2] противодействия коррупции, информационную[3] и национальную[4] безопасность, развитие информационного общества[5] и др.[6];

– постановления и распоряжения Правительства РФ. Следует отметить, что основополагающим документом стратегического планирования, который устанавливает основные механизмы, меры и действия по осуществлению полномочий, уделяет большое внимание вопросам обеспечения незамедлительного внедрения ИТТ в экономическую и социальную составляющие на-

1 Вопросы противодействия коррупции : Указ Президента РФ от 08.07.2013 № 613.

2 О некоторых вопросах противодействия коррупции : Указ Президента РФ от 08.03.2015 № 120.

3 Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646.

4 О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400.

5 О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы : Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203.

6 О государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации : Указ Президента РФ от 25.04.2022 № 232.

шей страны, на наш взгляд, являются Основные направления деятельности Правительства РФ на период до 2024 года[1]. Кроме того, в данном документе указывается на «внедрение цифровых технологий и платформенных решений («цифровизации»)»[2].

На данном уровне в целях совершенствования ОРД ОВД РФ по борьбе со взяточничеством, совершаемым с использованием ИТТ, предлагается, на основании опыта Республики Беларусь[3], сформировать реестр адресов (идентификаторов) виртуальных кошельков, которые, возможно, используются преступниками для совершения преступлений, предусмотренных ст. 290-291.2 УК РФ (соответствующие изменения необходимо также внести в положения ведомственных нормативных правовых актов). Данный реестр позволит сотрудникам ОВД РФ оперативно получать информацию о кошельках, которые имеют отношения к преступным транзакциям, а в дальнейшем – о лицах, имеющих доступ к кошелькам, адресе совершения транзакций, бирже и прочее.

Межведомственные и ведомственные нормативные правовые акты. Основным актом данного уровня следует считать приказ МВД России от 24 августа 2023 г. № 619[4], который регламентирует некоторые организационные вопросы деятельности ОВД РФ по профилактике правонарушений. Одним из направлений профилактики, реализуемых ОВД РФ в пределах своей компетенции, является противодействие коррупции, выявление и устранение причин и условий ее возникновения.

Приказ МВД России от 13 июля 2021 г. № 532[5] устанавливает порядок реализации полномочий ОВД РФ по направлению запросов при проведении проверок в целях противодействия коррупции. К субъектам, которым могут быть направлены такие запросы, относятся кредитные организации, налоговые органы, органы, осуществляющие государственную регистрацию прав на недвижимое имущество и сделок с ним, а также операторы информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов.

В целях совершенствования статистической отчетности ОВД РФ, а также для повышения уровня информационно-аналитической работы в системе

1 Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года : утв. Правительством РФ 29.09.2018 № 8028п-П13.

2 Там же.

3 О реестре адресов (идентификаторов) виртуальных кошельков и особенностях оборота криптовалюты : Указ Президента Республики Беларусь от 14.02.2022 № 48. URL: https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-no-48-ot-14-fevralya-2022-g (дата обращения: 01.03.2025).

4 О некоторых организационных вопросах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по профилактике правонарушений : приказ МВД России от 24.08.2023 № 619.

5 О наделении должностных лиц Министерства внутренних дел Российской Федерации полномочиями по направлению запросов в кредитные организации, налоговые органы Российской Федерации, органы, осуществляющие государственную регистрацию прав на недвижимое имущество и сделок с ним, и операторам информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, при осуществлении проверок в целях противодействия коррупции : приказ МВД России от 13.07.2021 № 532.

МВД России утверждены формы статистической отчетности[1], в частности: формы статистической отчетности «Отчет о результатах деятельности по профилактике коррупционных правонарушений» – Форма «Мониторинг-К», утвержденные приказом МВД России от 01.08.2024 № 448[2].

Принимая во внимание:

– распространенные факты использования преступниками инновационных технологий для совершения преступлений, предусмотренных ст. 290-291.2 УК РФ, а также в целях обеспечения правомерного доступа к средствам и инструментам, предназначенным для поиска и сбора сведений о фактах взяточничества, совершаемого с использованием ИТТ, причастных к ним лицах, из открытых источников, предлагается разработать приказ МВД России «О некоторых вопросах использования информационно-телекоммуникационных технологий в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации», что, на наш взгляд, позволит урегулировать на правовом уровне организацию и тактику проведения ОРМ с использованием ИТТ в публичных базах данных сети Интернет, а также закрепить вопрос легитимности использования данных результатов ОРД в уголовном судопроизводстве;

– новые методы получения оперативно-розыскной информации о преступлениях, предусмотренных ст. 290-291.2 УК РФ, совершаемых с использованием ИТТ, а также использование информационной системы оперативно-розыскной информации, целесообразно рассмотреть вопрос о формировании и введении нового централизованного учета виртуальных кошельков. При формировании реестра адресов (идентификаторов) виртуальных кошельков, которые, возможно, используются преступниками для совершения исследуемых видов преступлений, нами предлагается внедрить в ОРД ОВД РФ по борьбе со взяточничеством, совершаемым с использованием ИТТ, централизованный учет виртуальных кошельков; их владельцев; транзакций, проводимых с их использованием. Информацию о вышеуказанных элементах (компонентах) предлагается концентрировать в автоматизированной информационно-поисковой системе или автоматизированном банке данных «Виртуальные кошельки». Целью выступает информационное обеспечение мероприятий по выявлению виртуальных кошельков, их владельцев, а также транзакций, совершаемых с их использованием, которое позволит оперативно устанавливать: адрес (идентификатор) кошелька; наименования государственного органа, внесшего адрес (идентификатор); сведения о сопроводительном письме; дату внесения сведений; принадлежность к криптовалютной бирже; владельца адреса (идентификаторов) виртуального кошелька.

---

1 Об утверждении форм статистической отчетности : приказ МВД России от 31.07.2012 № 747.

2 Об утверждении формы статистической отчетности «Отчет о результатах деятельности по профилактике коррупционных правонарушений» – Форма «Мониторинг-К» : приказ МВД России от 01.08.2024 № 448.

Подводя итог исследованию правовой основы ОРД ОВД РФ по борьбе со взяточничеством, совершаемым с использованием ИТТ, нельзя не согласиться с мнением профессора И.Е. Ильичева, который пишет, что «в противодействии коррупции и иным преступлениям экономического характера в современной России в соответствии со сформированным законодательством задействованы мощные силы, начиная с высшего руководства страны» [5, с. 29]. Кроме того, необходимо отметить, что в настоящее время правовое обеспечение ОРД ОВД РФ по борьбе со взяточничеством, совершаемым с использованием ИТТ, не сформировано должным образом, что требует постоянного совершенствования, дополнения и изменения [9, с. 31].

Следует отметить, что рассмотренная правовая основа ОРД ОВД РФ по борьбе со взяточничеством, совершаемым с использованием ИТТ, не является исчерпывающей. Нами рассмотрены лишь основные нормативные правовые акты, которые регламентируют ОРД ОВД РФ по борьбе со взяточничеством, совершаемым с использованием ИТТ, и выдвинуты предложения по их совершенствованию.

В заключение можно констатировать, что действующая правовая основа ОРД ОВД РФ нуждается в адаптации к реалиям цифровой эпохи. Необходима детальная регламентация порядка проведения ОРМ в публичных базах данных сети Интернет, определение статуса цифровых следов и информации, полученной путем проведения ОРМ, а также разработка специализированных методов и тактических приемов, учитывающих особенности совершения взяточничества с использованием ИТТ.

Библиографический список

1. Атмажитов, В.М. О сущности оперативно-разыскной деятельности / В.М. Атмажитов // Труды Академии управления МВД России. – 2008. – № 1(5). – С. 66-70.

2. Галахов, С.С. Правовая основа оперативно-розыскной деятельности в сфере предупреждения преступлений: конституционные и уголовно-правовые источники / С.С. Галахов, А.В. Галахова, Ш.Р. Берсанов // Научный портал МВД России. – 2009. – № 1(5). – С. 67-74.

3. Гаухман, Л.Д. Правовые основы предупреждения преступлений : лекция / Л.Д. Гаухман. – М.: Академия МВД СССР, 1990.

4. Гребельский, Д.В. Теоретические основы и организационно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел / Д.В. Гребельский. – М.: Академия МВД СССР, 1977.

5. Ильичев, И.Е. МВД России в системе противодействия коррупции / И.Е. Ильичев // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2019. – № 1. – С. 28-42.

6. Никонов, П.В. Теоретические основы уголовно-правового противодействия преступлениям, связанным с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения : дис. ... докт. юрид. наук / П.В. Никонов. – М., 2023.

7. Оперативно-розыскное законодательство : сборник нормативных актов и документов / сост. А.Ю. Шумилов. – М.: Фирма АВС, 1997.

8. Правовые основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : сборник нормативных актов / сост. В.Ф. Луговик, А.Е. Чечётин. – Омск, 1999.

9. Правовые основы организации оперативно-розыскной деятельности : курс лекций / А.В. Парфенов, В.М. Атмажитов, Ю.А. Лапунова, Р.Р. Ханнанов. – М.: Академия управления МВД России, 2021.

10. Синилов, Г.К. Основы оперативно-розыскной деятельности советской милиции / Г.К. Синилов. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1975.

11. Сурков, К.В. Оперативно-розыскное законодательство России : пути совершенствования и развития : дис. ... канд. юрид. наук / К.В. Сурков. – М., 1997.

12. Фарахиев, Д.М. Общественная опасность получения и дачи взятки / Д.М. Фарахиев, Р.С. Куликов // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2023. – № 4. – С. 71-76.

13. Шаров, В.И. Контроль и запись переговоров как следственное действие и как оперативно-разыскное мероприятие / В.И. Шаров // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2019. – № 3 (47). – С. 177-182.

УДК 343.326

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ И ОСОБЕННОСТИ КЛАССИФИКАЦИИ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОГО СООБЩЕНИЯ ОБ АКТЕ ТЕРРОРИЗМА

CRIMINAL LAW ANALYSIS AND CLASSIFICATION FEATURES OF A DELIBERATELY FALSE REPORT OF AN ACT OF TERRORISM

Денис Николаевич Петров,

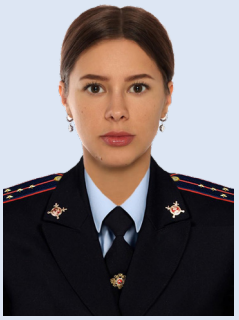
курсант Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск)

denisp5504@mail.ru

Ксения Вячеславовна Садовых,

преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск)

sadovyh.kseniya@mail.ru



Ключевые слова:
заведомо ложное сообщение, терроризм, квалификация, общественная опасность, информационные технологии, дестабилизация, ложное минирование.

В статье рассматриваются особенности квалификации заведомо ложного сообщения об акте терроризма в условиях цифровизации и специальной военной операции. Проанализирована судебно-следственная практика, выявлены основные способы совершения данного преступления, классифицированы виды ложных сообщений в зависимости от формы, содержания, мотива, цели и количества адресатов. Обоснована необходимость учета способа сообщения как квалифицирующего признака при назначении наказания. Делается вывод о значительном росте общественной опасности указанного преступления в современных условиях и необходимости совершенствования законодательства.

Keywords:
deliberately false message, terrorism, qualification, public danger, information technology, destabilization, false mining.

The article examines the specifics of the qualification of a deliberately false report of an act of terrorism in the context of digitalization and a special military operation. The judicial and investigative practice is analyzed, the main ways of committing this crime are identified, the types of false messages are classified

depending on the form, content, motive, purpose and number of addressees. The necessity of taking into account the method of communication as a qualifying feature in the appointment of punishment is substantiated. It is concluded that there is a significant increase in the social danger of this crime in modern conditions and the need to improve legislation.

В условиях глобальной цифровизации, а также проведения специальной военной операции (далее – СВО) заведомо ложные сообщения об акте терроризма (ст. 207 УК РФ) приобретают свойство повышенной опасности, так как целями преступников является подрыв чувства безопасности населения и дезорганизация деятельности правоохранительных органов в столь непростое для нашей страны время [2, с. 314]. На прецедентность данных деяний в ходе «правительственного часа» 19 октября 2022 г. обратил внимание министр внутренних дел генерал полиции Российской Федерации Владимир Колокольцев, указав: «В текущем году значительно – в восемь раз – возросло число заведомо ложных сообщений о готовящихся актах терроризма». Министр отметил, что такие сообщения стали поступать гораздо чаще, причем нередко они носят организованный характер[1].

Следует, на наш взгляд, обратить внимание на проблемный аспект в статистическом учете исследуемого состава. Так, согласно статистическому учету данных о состоянии преступности, в 2021 г. были зарегистрированы 18 927 преступлений, предусмотренных ст. 207 УК РФ, в 2022 г. – 23 247, в 2023 г. – 19 987 преступлений. К 2024 г. количество преступлений составило 15 844 преступлений[2]. Однако мы можем с уверенностью сказать, что данная статистика не отражает реальное количество преступлений. Это связано с тем, что заведомо ложные сообщения приобрели иное качество – путем активного использования информационно-телекоммуникативных технологий [1, с. 44], и из разряда штучных перешли в форму массированной атаки электронных ящиков различных учреждений во всех городах России. Количество заведомо ложных сообщений об акте терроризма в одном городе в день может превышать сотню благодаря использованию преступниками цифровых технологий. Такие сообщения, как правило, направляются одним лицом, в один день и содержат аналогичный текст, в связи с чем органы предварительного расследования квалифицируют данные сообщения как единое продолжаемое преступление

1 Выступление министра внутренних дел Российской Федерации генерала полиции Российской Федерации В.А. Колокольцева на заседании Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в рамках «правительственного часа». URL: https://мвд.рф/document/33200763 (дата обращения: 01.06.2025).

2 Ежемесячный сборник о состоянии преступности в России. URL: http://crimestat.ru/analytics (дата обращения: 01.06.2025).

и в статистический учет идут сведения об одном преступлении, а не о сотнях фактов выезда следственно-оперативной группы на место, что фактически парализует работу правоохранительных органов. Примером, отражающим вышеуказанную ситуацию, является следующий случай: неустановленное лицо отправило с электронного почтового ящика ложное сообщение о минировании, в котором оно указало, что сбежало из тюрьмы и заложило взрывное устройство. Аналогичное сообщение поступило в 123 школы, расположенные на территории г. Красноярска[1]. Правоохранительными органами в рамках расследования данных преступлений установлено, что все сообщения поступили с территории Украины.

Анализируя данную информацию, можно прийти к выводу, что общественная опасность исследуемого преступления, несомненно, повысилась, и ее прецедентность в условиях СВО обрела колоссальные масштабы для дестабилизации граждан и правоохранительных органов.

Непосредственным объектом данного преступления являются общественные отношения, связанные с обеспечением безопасности населения. Данное преступление представляет собой угрозу для спокойствия граждан, нарушает общественный порядок и подрывает установленную систему управления [3].

В качестве дополнительного объекта выступают права и законные интересы граждан и организаций, а также защищаемые государством общественные интересы, которые страдают из-за противоправных действий. В этом случае затрагиваются отношения, связанные с охраной здоровья граждан, правом собственности и нормальной деятельностью различных предприятий и учреждений.

Особенностью объекта является то, что, по сути, в данном составе нет потерпевшего. Ущерб причиняется тем государственным или негосударственным организациям, которым вследствие заведомо ложного сообщения причинен какой-либо вред (например, расходы на проверку самого сообщения). Так, гражданка Ф., находясь в г. Грязовец, умышленно из хулиганских побуждений позвонила на номер «112» с ложным сообщением о готовящемся взрыве здания полиции МО МВД России «Грязовецкий» с целью дестабилизации деятельности органов власти. Восприняв угрозу как реальную, диспетчер передал информацию в Единую дежурную диспетчерскую службу (далее – ЕДДС) Грязовецкого района. Сотрудники полиции проверяли поступившее сообщение, что привело к отвлечению их от основной деятельности и материальным убыткам в размере 468,94 рублей[2].

Объективная сторона рассматриваемого преступления выражается исключительно в активной форме – совершении действий, направленных на

1 Из следственной практики СЧ СУ МВД России «Красноярское» (уголовное дело № 12301040001000782 от 13.09.2023 по ч. 2 ст. 207 УК РФ).

2 Приговор Грязовецкого районного суда (Вологодская область) от 15.02.2024 по делу № 1-17/2024. URL: https://sudact.ru/regular/doc/g4THRjEZ100K/ (дата обращения: 01.06.2026).

доведение до сведения определенных лиц или организаций заведомо ложных сообщений о террористическом акте. Заведомо ложное сообщение – это сообщение, содержащее недостоверные сведения о каких-либо готовящихся действиях, которые могут привести к наступлению общественно опасных последствий. При этом способы передачи таких сообщений могут быть самыми разными.

Преступление считается оконченным с момента доведения до адресата заведомо ложных сведений. На практике известны случаи, когда лица сообщали о том, что взрывные устройства будут заложены в определенную дату (в будущем). Например, 10.06.2018 гражданин Ф. позвонил в ЕДДС и указал, что 13.06.2018 в 14:18 на стадионе в Сочи будет заложено фугасное устройство. По сути, указанным примером проиллюстрирована особенность момента окончания данного преступления, в частности в момент сообщения его ложность было проверить было невозможно, в связи с чем правоохранительным органам было необходимо дождаться указанного времени и удостовериться в отсутствии взрывных устройств.

В качестве субъекта по данному составу преступления выступает вменяемое физическое лицо, достигшее возраста четырнадцати лет (ст. 20 УК РФ). Уголовная ответственность по ст. 207 УК РФ наступает с 14 лет, поскольку заведомо ложное сообщение о террористическом акте относится к тем преступлениям, которые способны вызвать серьезные общественные последствия, такие как массовая паника, отвлечение государственных ресурсов и нарушение общественного порядка.

Субъективная сторона исследуемого состава преступления характеризуется виной в форме прямого умысла. Лицо, сообщающее заведомо ложные сведения об акте терроризма, осознает, что эта информация не соответствует действительности.

Исходя из анализа судебно-следственной практики и исследований ученых в области уголовного права, можно сформировать следующую классификацию ложных сообщений.

1. По способу доведения сообщения (информации):

1) посредством телефонных звонков. Так, гражданин Ф. находясь в состоянии алкогольного опьянения в продуктовом магазине, умышленно и из хулиганских побуждений сообщил заведомо ложные сведения о подготовке взрыва, *позвонив с мобильного телефона* на номер «102» дежурной части УМВД России по г. Пензе. В ходе звонка он заявил, что является террористом и собирается взорвать магазин, осознавая, что сообщение ложное и создавая видимость угрозы жизни людей и имущества[1];

2) с помощью смс-сообщений. Например, гражданка М., находясь в состоянии алкогольного опьянения, умышленно отправила ложное смс-сообщение о готовящемся акте терроризма на телефон экстренной службы, стремясь

1 Приговор Железнодорожного районного суда г. Пензы от 29.01.2024 по делу № 1-30/2024. URL: https://sudact.ru/regular/doc/GT8lTqsPRiNP/ (дата обращения: 01.06.2025).

дестабилизировать работу отдела полиции № 1. Сообщение было воспринято всерьез, что в итоге привело к отвлечению сил правоохранительных органов на оперативно-розыскные и следственные мероприятия, в ходе которых взрывных устройств не обнаружено[1];

3) *устно* (когда лицо непосредственно сообщает сотрудникам полиции о террористическом акте) Так, дознаватель с оперативной группой выехала к гражданке К., где та рассказала, что ее зять В., приехавший из-за границы на похороны, угрожал тем, что у него имеется 2 кг тротила, и что он взорвет ее дом, а также другие объекты на территории России. Информация оказалась заведомо ложной, а потому действия гражданки К. были расценены по ч. 1 ст. 207 УК РФ[2];

4) *с использованием информационно-коммуникационных технологий* (когда лицо отправляет сообщение через электронную почту). Так, гражданин Ф., находясь дома, используя компьютер и подключение через VPN для сокрытия своего IP-адреса, зарегистрировал почтовый ящик с именем «almighty terrorist», применив виртуальный номер, приобретенный в Telegram, через этот почтовый ящик отправил ложное сообщение на адрес ООО «Воздушные Ворота Северной Столицы», сообщив о якобы заложенном взрывном устройстве в аэропорту Пулково. Гражданин Ф. стремился создать общественную панику, спровоцировать реакцию служб и отвлечь силы правоохранительных органов, зная о ложности информации и рассчитывая на создание видимости угрозы[3];

5) *опосредованно* (используя других лиц, не подлежащих уголовной ответственности). Так, находясь на остановке у филиала «Невинномысская автостанция», гражданин С. сообщил гражданину Н. ложные сведения о предотвращении им готовящегося теракта на территории автостанции и возможном направлении исполнителей в г. Буденновск. Н., приняв информацию за правду, позвонил на номер 112 и передал ее. С. осознавал, что его ложное сообщение может вызвать реальную угрозу и панику, что приведет к нарушению работы автостанции и эвакуации. Сообщение было воспринято всерьез, и правоохранительные органы провели проверку с участием отдела уголовного розыска, дознания и экспертно-криминалистического отдела. Информация о теракте не подтвердилась[4].

---

1 Приговор Ангарского городского суда (Иркутская область) от 14.11.2023 по делу № 1-1102/2023. URL: https://sudact.ru/regular/doc/IRKTUBqA6H5w/ (дата обращения: 01.06.2025).

2 Приговор Щербиновского районного суда (Краснодарский край) от 25.07.2023 по делу № 1-33/2023. URL: https://sudact.ru/regular/doc/uzlZLSyPgIdj/ (дата обращения: 01.06.2025).

3 Приговор Металлургического районного суда г. Челябинска от 21.12.2023 по делу № 1-584/2023. URL: https://sudact.ru/regular/doc/g9Lwtr5KK2bW/ (дата обращения: 01.06.2025).

4 Приговор Невинномысского городского суда (Ставропольский край) от 15.09.2023 по делу № 1-456/2023. URL: https://sudact.ru/regular/doc/l5xoiVl6QybX (дата обращения: 01.06.2025).

2. По содержанию сообщения:

1) *простое* (когда сообщение содержит только угрозу террористического характера, без какой-либо иной информации). К примеру, гражданин Ф. из хулиганских побуждений, используя мобильный телефон, совершил звонок в единую диспетчерскую службу и сообщил ложную информацию о взрывном устройстве в магазине по адресу. Таким образом, гражданин Ф. сделал всего одно сообщение одному адресату[1];

2) *сложное:*

2.1) кроме угрозы о совершении террористического акта сообщение содержит требование выполнения от государства, организации или гражданина совершить какое-либо действие или воздержаться от совершения какого-либо действия в обмен на несовершение террористического акта. Так, в дежурную часть МО МВД России «Тюкалинский» поступил звонок от неизвестного мужчины с сообщением о захвате заложников в сельском клубе и требованиях предоставить 2 млн рублей и самолет. После проверки было установлено, что вызов был ложным и сделан был лицом для проверки реакции сотрудников полиции, действия были квалифицированы по ст. 207 УК РФ[2];

2.2) кроме информации об угрозе о совершении террористического акта, сообщение содержит данные лица – якобы инициатора указанного в сообщении террористического акта, а фактически не причастного к этому сообщению. Здесь можно привести следующий пример из следственной практики: 22.10.2024 неустановленное лицо, используя учетные записи электронного журнала учащихся, родителей, сотрудников школ г. Красноярска и Красноярского края, совершило рассылку электронных писем, в которых указало, что принесет бомбу в рюкзаке и взорвет ее на перемене. Далее в сообщении были указаны данные лица, не причастного к этому преступлению. Сообщение было написано и отправлено с целью вызова сотрудников правоохранительных органов на адрес ничего не подозревающей жертвы[3].

3. По преследуемой цели (мотив):

1) м*есть*. Гражданин Ф., считая, что его дважды несправедливо осудили из-за произвола правоохранительных органов, зашел в магазин в г. Заозерск, где, находясь в подавленном состоянии и обвиняя правоохранительные органы в своих жизненных трудностях, решил из чувства мести позвонить в отдел и передать ложное сообщение о теракте, чтобы дестабилизировать его работу[4];

---

1 Приговор Северодвинского городского суда (Архангельская область) от 11.01.2024 по делу № 1-1002/2023. URL: https://sudact.ru/regular/doc/ULwCAJnfrCoI/ (дата обращения: 01.06.2025).

2 Приговор Тюкалинского городского суда (Омская область) от 26.05.2017 по делу № 1-33/2017. URL: //sudact.ru/regular/doc/FDu36z9Y7SVg/ (дата обращения: 01.06.2025).

3 Из следственной практики СЧ СУ МВД России «Красноярское» (уголовное дело № 12401040001000945 от 22.10.2024 по ч. 2 ст. 207 УК РФ).

4 Приговор Кольского районного суда (Мурманская область) от 20.19.2020 по делу № 1-2-5/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/NCUNoBrKAHJQ/ (дата обращения: 01.06.2025).

2) *материальная выгода*. Показательным примером в данном аспекте будет являться материал из следственной практики. Неустановленное лицо, используя устройство, подключенное к сети Интернет, используя аккаунт в мессенджере «Telegram», составило электронное сообщение об акте терроризма в торговом центре, указав в тексте сообщения абонентский номер телефона гражданина М., после чего опубликовало скриншот указанного электронного сообщения в группе вышеуказанного мессенджера, при этом отметив аккаунт гражданина М., а также сообщение «время до конца пятницы». После чего неустановленное лицо переслало гражданину М. указанное сообщение из группы мессенджера, выдвинув требование материального характера в виде перечисления денежных средств в размере 100$ под угрозой совершения «сваттинга», то есть направления заведомо ложного сообщения об акте терроризма от имени гражданина М.[1];

3) *дестабилизация деятельности государственных органов*. Лицо делает ложное сообщение о террористическом акте во время важного государственного мероприятия, чтобы отвлечь силы правопорядка и вызвать помехи для работы государственных структур. Стоит отметить, что в настоящее время со стороны Украины во время проведения специальной военной операции осуществляется массированная атака заведомо ложными сообщениями о террористическом акте в различные города России с целью вселения страха в граждан и подрыва государственного авторитета;

4) *хулиганские побуждения*. Гражданка Е. из хулиганских побуждений (достоверно зная о том, что она на основании решения суда лишена родительских прав, будучи недовольна данным фактом, неправомерно используя данный факт в качестве повода, выражая явное неуважение к обществу и общепринятым нормам морали, желая противопоставить себя окружающим) и для привлечения внимания к себе с целью нарушения общественного порядка и создания паники позвонила в службу «112» и сделала ложное сообщение о минировании здания Управления семьи, опеки и попечительства в Сызрани. Она осознавала, что это сообщение могло создать опасность для жизни людей и отвлечь силы правоохранительных органов[2];

5) *стремление «подставить» другое лицо и создать ему определенные трудности*. Гражданин Ф., стремясь ответить за свои личные обиды, решил подставить своих знакомых, а потом, сообщая заведомо ложные сведения об акте терроризма, назвал их фамилии[3];

6) *желание избежать какого-либо события или мероприятия*. Так, обучающийся, желая, чтобы уроки в школе отменили, звонит в экстренную службу

---

1 Из следственной практики СЧ СУ МВД России «Красноярское» (уголовное дело № 12301040033001084 по ч. 2 ст. 207 УК РФ).

2 Приговор Сызранского городского суда (Самарская область) от 25.12.2023 по делу № 1-349/2023. URL: https://sudact.ru/regular/doc/ovj7y7sCjwxw/ (дата обращения: 01.06.2025).

3 Приговор Вологодского городского суда от 24.09.2019 по делу № 1-865/2019. URL: https//sudact.ru/regular/doc/FWapvAkr5N5T/ (дата обращения: 01.06.2025).

и сообщает заведомо ложные сведения о том, что в здании школы заложена бомба[1].

4. По количеству адресатов:

1) *один конкретный получатель* (к примеру, лицо, сообщает диспетчеру экстренной службы о том, что в вагоне пассажирского поезда заложено взрывное устройство)[2].

2) *неопределенное количество адресатов* (два и более), то есть сообщение с идентичным содержанием о ложном террористическом акте направляется как можно большему количеству адресатов – ситуация, приведенная в начале статьи, когда получателем сообщения стали сразу 123 школы одновременно.

Стоит отметить, что способ передачи ложной информации, исходя из законодательной конструкции состава, не оказывает существенно влияния на квалификацию преступления. Считаем данный аспект упущением законодателя, так как способ, в частности массовая рассылка через сеть Интернет, непосредственно влияет на общественную опасность конкретного заведомо ложного сообщения и, соответственно, должен учитываться при назначении наказания.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что заведомо ложные сообщения о терроризме в условиях проведения СВО и при использовании информационно-коммуникационных технологий представляют значительную угрозу для общественного порядка и безопасности государства, в частности, подрывают доверие к государственным институтам и вызывают у населения чувство нестабильности и страха. Проведенные сравнительный анализ и статистические данные подтверждают, что важно учитывать мультиадресность заведомо ложных сообщений, поскольку такие действия, часто квалифицируемые как единое преступление, вносят диссонанс в общую статистику, занижая реальный масштаб проблемы и не отражая реальную общественную опасность деяния, что существенно влияет на меры профилактики и противодействия данной преступности.

1 Постановление Советского районного суда г. Воронежа от 29.11.2017 по делу № 1-331/2017. URL: https://sudact.ru/regular/doc/7EWL5iGXeJgP/ (дата обращения: 01.06.2025).

2 Приговор Ленинского районного суда г. Смоленска от 13.12.2023 по делу № 1-308/2023. URL: https://sudact.ru/regular/doc/K4CF0AfqstxB/ (дата обращения: 01.06.2025).

Библиографический список

1. Боков, Д.К. Противодействие заведомо ложному сообщению об акте терроризма, совершаемому с использованием информационно-телекоммуникационных технологий / Д.К. Боков // Вестник Московского университета МВД России. – 2023. – № 1. – С. 43-45.

2. Замалеева, С.В. Особенности объективных признаков заведомо ложного сообщения об акте терроризма / С.В. Замалеева // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 8. – С. 314-316.

3. Мязин, А.Е. К вопросу о разграничении угрозы совершения террористического акта и заведомо ложного сообщения об акте терроризма / А.Е. Мязин // Новый юридический вестник. – 2021. – № 9 (33). – С. 30-33.

УДК 378.172 : 37.032

ВЛИЯНИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ

THE INFLUENCE OF PHYSICAL TRAINING ON THE FORMATION OF THE PROFESSIONAL WORLDVIEW OF CADETS OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Юрий Иванович Печерский,

заместитель начальника отдела профессиональной подготовки управления по работе с личным составом УМВД России по Липецкой области, адъюнкт Воронежского института МВД России

yu.p.lip@bk.ru

Ключевые слова:
курсанты и слушатели, образовательные организации МВД России, физическая подготовка, мировоззрение, профессиональная подготовка, сотрудники ОВД

В статье представлены ключевые моменты, способствующие формированию профессионального мировоззрения у обучающихся образовательных организаций МВД России посредством физической подготовки. Показана тесная связь физического воспитания с нравственным, трудовым воспитанием, формированием профессиональных личностных качеств сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

Keywords:
cadets and trainees, educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia, physical training, worldview, professional training, police officers.

The article presents the key points contributing to the formation of a professional worldview among students of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia through physical training. The close connection of physical education with moral, labor education, and the formation of professional personal qualities of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation is shown.

Современные требования к сотрудникам Министерства внутренних дел Российской Федерации предполагают не только высокий уровень их профессиональных знаний и правовой подготовки, но и отличный уровень физической подготовленности.

Сложно не согласиться с тем, что «недостаток обеспечения знаний правовых оснований применения мер физического принуждения, характеристик специальных средств, оружия и специальной техники, личной физической формы, владения приемами борьбы и тактики лишают сотрудников полиции уверенности, что приводит к неготовности в экстремальных условиях должным образом решать оперативно-служебные задачи» [3, с. 178].

Физическая подготовка является неотъемлемой частью профессионального становления курсантов, поскольку она напрямую влияет на их работоспособность, стрессоустойчивость и способность действовать в экстремальных ситуациях. В условиях повышенных нагрузок и рисков, характерных для правоохранительной деятельности, физическое развитие становится ключевым фактором, определяющим не только профессиональную пригодность, но и мировоззрение сотрудников МВД России.

Физическая подготовка курсантов имеет особое значение, так как от их физической выносливости, силы, скорости и координации зависит не только их личная безопасность, но и эффективность выполнения служебных задач. В правоохранительной деятельности нередко возникают ситуации, требующие мгновенной реакции, противостояния физическому сопротивлению, длительного напряжения сил. Кроме того, регулярные физические нагрузки способствуют формированию дисциплинированности, целеустремленности и волевых качеств, что крайне важно для профессионального мировоззрения сотрудника МВД России.

Исследования в области педагогики и психологии профессионального образования показывают, что физическое развитие оказывает комплексное влияние на личность: укрепляет уверенность в себе, развивает командный дух, формирует устойчивость к стрессам. В контексте подготовки курсантов образовательных организаций МВД России это особенно важно, поскольку их профессиональное мировоззрение должно включать не только правовые и нравственные ориентиры, но и осознание необходимости постоянного физического самосовершенствования.

Рассмотрим взаимосвязь физического воспитания с профессиональными качествами сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации. Так, физическая подготовка тесно связана с ключевыми профессиональными качествами сотрудника МВД России, а именно: выносливость и работоспособность позволяют эффективно выполнять задачи в условиях длительного напряжения; сила и скорость необходимы для задержания правонарушителей, преодоления сопротивления; координация и ловкость важны в экстремальных ситуациях, например, при преследовании преступника; психологическая устойчивость приобретаемая в ходе физических тренировок, способ-

ствуют выработке стрессоустойчивости, самоконтроля и эмоциональной стабильности.

Безусловно, «необходимость подготовки человека к выполнению жизненных задач в процессе физического воспитания согласуется со сформулированным в философии тезисом о наивысшей ценности жизни» [4, с. 186].

Физическая подготовка в образовательных организациях МВД России представляет собой целенаправленный педагогический процесс, направленный на развитие физических качеств, двигательных навыков и психологической устойчивости, необходимых для успешного выполнения служебных задач. В отличие от общей физической культуры, подготовка сотрудников МВД России носит прикладной характер и ориентирована на моделирование реальных ситуаций, с которыми сталкиваются сотрудники ОВД в профессиональной деятельности.

Специфика работы в ОВД предполагает высокие физические нагрузки, необходимость оперативного реагирования на опасные ситуации и способность противостоять агрессии. В связи с этим физическая подготовка выполняет несколько ключевых функций:

– обеспечение оперативной готовности – сотрудник ОВД обязан быстро и эффективно действовать в условиях дефицита времени, будь то преследование правонарушителя, задержание или оказание помощи пострадавшим;

– повышение профессиональной надежности – физическая выносливость и сила позволяют сохранять работоспособность в длительных командировках, на ночных дежурствах и в других условиях службы;

– формирование прикладных навыков – боевые приемы борьбы, преодоление препятствий, стрельба в движении и другие элементы физической подготовки напрямую связаны с практическими задачами правоохранительной деятельности;

– профилактика профессиональных заболеваний – регулярные физические нагрузки снижают риск развития заболеваний опорно-двигательного аппарата, сердечно-сосудистой системы и других патологий, характерных для малоподвижного образа жизни.

Систематические тренировки оказывают значительное влияние на психику и поведение курсантов. Физические нагрузки, особенно в условиях, приближенных к реальным ситуациям, способствуют адаптации к стрессу. Курсанты учатся контролировать эмоции, сохранять хладнокровие и принимать решения в условиях усталости (формирование стрессоустойчивости).

Преодоление физических пределов (например, длительный бег) воспитывает настойчивость, целеустремленность и самодисциплину, что напрямую переносится на профессиональную деятельность и развивает волевые качества.

Групповые тренировки, игры в командные виды спорта, соревнования между взводами и совместное преодоление трудностей способствуют сплоченно-

сти, взаимовыручке и корпоративной культуре, что крайне важно для работы в подразделениях МВД России.

Регулярные физические нагрузки снижают уровень агрессии, тревожности и склонность к вредным привычкам, что особенно актуально в молодежной среде (профилактика девиантного поведения).

Физическая подготовка в образовательных организациях МВД России – это комплексный процесс, направленный на формирование профессионально значимых качеств будущих сотрудников правоохранительных органов. Она способствует не только развитию физических способностей, но и оказывает глубокое влияние на психологическое состояние, дисциплину и мировоззрение курсантов. Совершенствование методик физического воспитания в вузах МВД России может стать ключевым фактором повышения эффективности подготовки кадров для ОВД.

Физическая подготовка выступает одним из важнейших факторов формирования профессионального мировоззрения, оказывая комплексное воздействие на все его структурные компоненты: мотивационный, аксиологический, поведенческий и рефлексивный [подр.: 2, с. 150-152]. Регулярные физические нагрузки способствуют развитию не только физических, но и психологических характеристик, необходимых для успешной профессиональной деятельности.

Итак, профессиональное мировоззрение курсантов МВД России представляет собой сложное системное образование, формирующееся под воздействием участия во всероссийских и региональных мероприятиях, воспитательной работы, проводимой в вузе, и образовательного процесса, в том числе посредством физической подготовки.

Последняя играет особую роль, выступая не только как средство развития физических качеств, но и как важнейший фактор становления профессионально значимых психологических характеристик сотрудников ОВД.

В целях увеличения эффективности мировоззренческого воздействия физической подготовки на курсантов предлагается совершенствовать образовательный процесс в части увеличения практико-ориентированных форм обучения, элективных курсов, которые «способствуют повышению уровня физических показателей» [1, с. 34], интеграции физического воспитания с профессионально-прикладной подготовкой, что требует разработки специализированных тренировочных программ с имитацией реальных профессиональных ситуаций, осуществление дифференцированного подхода к физической подготовке с учетом: индивидуальных психофизиологических особенностей, курса обучения и направления подготовки.

Проведенное исследование расширяет понимание роли физической подготовки в профессиональном становлении сотрудников ОВД, демонстрируя ее многомерное влияние не только на физические параметры, но и на когнитивно-личностные характеристики. Реализация предложенных мер, на наш взгляд, позволит повысить эффективность системы профессиональной под-

готовки в образовательных организациях МВД России, обеспечивая формирование высококвалифицированных кадров, отвечающих современным требованиям правоохранительной деятельности.

Дальнейшая разработка данной проблематики будет способствовать созданию научно обоснованной модели физического воспитания, обеспечивающей формирование высококвалифицированных кадров, отвечающих современным вызовам правоохранительной деятельности. Особую актуальность приобретают междисциплинарные исследования на стыке педагогики, психофизиологии и теории физической культуры, направленные на углубленное понимание механизмов профессионального становления сотрудников ОВД.

Библиографический список

1. Использование элективных курсов на занятиях по физической культуре со студентами / Э.В. Мануйленко, А.А. Тащиян, Е.В. Панов, Д.А. Андреева // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. – 2024. – № 6. – С. 29-35.

2. Печерский, Ю.И. Профессиональное мировоззрение курсантов образовательных организаций Министерства внутренних дел Российской Федерации: концепция, сущность и структура / Ю.И. Печерский // Психология и психотехника. – 2025. – № 1. – С. 146-159.

3. Проблемы и перспективы обучения сотрудников ОВД России готовности к действиям в экстремальных ситуациях служебной деятельности в рамках профессиональной служебной и физической подготовки / Е.Г. Светличный, А.С. Фетисов, О.С. Панова, Р.Е. Токарчук // Глобальный научный потенциал. – 2022. – № 3(132). – С. 177-180.

4. Севастьянов, В.В. Использование гуманистического потенциала физической культуры на этапах жизни человека / В.В. Севастьянов, И.А. Сабирова, Е.А. Стеблецов // Культура физическая и здоровье. – 2024. – № 3(91). – С. 185-188.

УДК 623.64

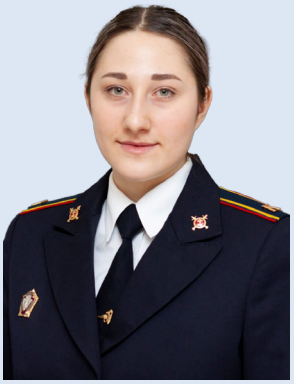
ОТ КАРТЫ К ДЕЙСТВИЮ: ЗНАЧЕНИЕ ТОПОГРАФИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ В ПЕРИОД СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ, А ТАКЖЕ ДЛЯ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

FROM THE MAP TO THE ACTION: THE IMPORTANCE OF TOPOGRAPHIC TRAINING IN THE PERIOD OF MILITARY EDUCATION, AS WELL AS FOR EMPLOYEES OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION IN MODERN CONDITIONS

Юлия Николаевна Смолякова,

курсант Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск)

smolykova_yulia66@mail.ru



Александр Юрьевич Бордачёв,

доцент кафедры тактико-специальной подготовки Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск)

fff30101970@yandex.ru

Ключевые слова:
топографические карты, местность, правоохранительные органы, специальная военная операция, снайперская группа, территория.

В статье рассматривается важность использования топографических карт сотрудниками органами внутренних дел Российской Федерации для эффективного выполнения ими служебных обязанностей. Анализируется, в частности, как детальное знание местности помогает в планировании маршрутов, быстром реагировании на различные ситуации. Особое внимание уделяется практическим примерам успешного применения карт в реальных условиях, что подчеркивает их значимость в работе правоохранительных органов.

Keywords:
topographic maps,
terrain,
law enforcement agencies,
special military operation,
sniper group, territory.

The article discusses the importance of using topographic maps by police officers for the effective performance of their duties. It analyzes, in particular, how detailed knowledge of the terrain helps in route planning, quick response to various situations, and identification of waste routes. Special attention is paid to practical examples of successful application of maps in real-life conditions, which emphasizes their importance in the work of law enforcement agencies. The article emphasizes that police officers should be able to use topographic maps.

Актуальность топографических знаний характерна не только для военной сферы, но и в области правоохранительной деятельности. Думается, что сотрудник ОВД РФ в настоящих условиях должен на достаточном уровне владеть знаниями топографии, так как знание основ топографии является необходимым элементом для успешного выполнения сотрудниками ОВД РФ (далее – сотрудники) поставленных перед ними задач.

Прежде чем сотруднику приступить к выполнению полученного задания, нужно тщательно исследовать обозначенную территорию, а также прилегающие к ней районы. Для этого сотрудник должен обладать знаниями о тактических свойствах местности.

Тактическими свойствами местности принято называть такие свойства местности, которые оказывают влияние на проведение специальной операции, применения оружия, использование иной техники при ведении боя. Для каждого типа местности характерны свои особенности, которые выражаются в тех или иных основных свойствах местности. К основным тактическим свойствам местности можно отнести проходимость местности, ее защитные свойства, условия: ориентирования, наблюдения, маскировки, ведения огня, инженерного оборудования местности.

Для лучшего изучения местности рекомендуется проанализировать следующие элементы: дороги, населенные пункты, водные объекты, рельеф местности. Далее необходимо сопоставить карты с реальной местностью. Существуют основные правила изучения местности.

Анализ местности необходимо проводить в контексте определенных действий. Так, местность может изучается для определения наилучшего расположения личного состава с целью ведения огня по противнику.

Необходимо принимать во внимание погодные условия, время суток.

Местность следует анализировать непрерывно, вне зависимости от того, стоите ли вы на месте или производите движение, оценивать местность с разных точек зрения, в частности, принимать во внимание позицию противника. Выполнение указанных правил способствует грамотному и эффективному расположению личного состава, определению направления действий при вы-

полнении поставленных перед сотрудниками задач. Помимо этого выявляются слабые места противника, а также обозначаются места расположения оборонительных средств и заграждений [7].

Так как значимая часть работы при выполнении определенных оперативно-служебных задач происходит на стадии работы с топографической картой, предлагаем рассмотреть основные способы подготовки карты для ее чтения.

В самом начале происходит ознакомление с картой: выясняется масштаб карты, контур местности, наличие водоемов и дорог. В необходимых случаях производится склеивание карт. Такая ситуация может возникнуть, например, когда одна карта не охватывает нужный объем территорий, на которой будут проходить оперативно-служебные действия.

Следующим этапом топографическая карта устанавливается в вертикальное положение. Для этого может использоваться отдельные рамки или подставки, обеспечивающие видимость и удобство работы с картой.

При изучении карты могут также использоваться специальные маркеры или стикеры. Данные средства будут способствовать быстрому нахождению объектов на местности.

Карта, подготовленная указанными выше способами, значительно облегчает работу с ней в дальнейшем. Более того, она становится незаменимым инструментом в зоне выполнения операций, так как с ее помощью эффективно могут решаться поставленные задачи, а также приниматься грамотные решения для дальнейших действий.

Обозначим и проблемные аспекты использования топографических карт: высокие требования к сотрудникам в области топографии, хрупкость карт, точность определения тех или иных объектов на карте [подр.: 3, с. 3-4].

Следующее, что предлагаем рассмотреть – это работа снайперских групп. Подготовка данных групп осуществляется на базе образовательной организации МВД России. Снайперские группы при проведении специальных мероприятий выполняют важную задачу: корректируют направление штурмовых групп, в случае экстренной или внештатной ситуации ведут открытый огонь по стороне противника. В программу подготовки снайперских групп входит получение специальных знаний не только о приемах стрельбы из снайперского оружия, но и об особенностях местности, в которой им предстоит решать поставленные перед ними задачи [4]. Снайперская пара представлена снайпером-наблюдателем и снайпером-истребителем. Сотрудники в обязательном порядке должны обладать умением правильно выбирать ориентиры. На практике сотрудники встречаются с различными целями, например, небольшими и замаскированными или крупными и открытыми.

Представим ситуацию: снайпер получил приказ от непосредственного руководителя операции на уничтожение открытой цели. Что должен сделать снайпер при такой ситуации?

1. Определяет местоположение цели.
2. Принимает во внимание обстановку вокруг и вблизи цели.

3. Выбирает ориентиры для ориентирования на местности, а также для быстрого отыскания цели.

Напомним, что любая местность принимает различные виды в зависимости от точек ее обозрения. Поэтому снайпер должен в каждом конкретном случае уточнять, по каким именно координатам ведется работа. Для наблюдения за целью могут использоваться такие оптические приборы, как бинокль, оптический прицел, прибор ночного видения. Однако использовать данную технику рекомендуется в случаях, когда цель или предмет местности не может быть просмотрен невооруженным глазом. Данная рекомендация объясняется тем, что при использовании оптических приборов происходит большая нагрузка на глазное яблоко, что неизбежно ведет к быстрому переутомлению [подр.: 1].

На выбор ориентиров влияют условия, в которых предстоит решать поставленную задачу. В качестве ориентиров выбирают ярко выраженные предметы местности, способные сохранить свой облик в период служебно-боевой работы. Например, колодец, верхний угол дома или развилка дорог. Цель ориентиров заключается в как можно быстром нахождении цели на местности. Ориентиры нумеруются справа налево и от себя в глубину. При дневном освещении приоритет отдается видимым из далека предметам. В ночное время ориентируются по предметам местности или рельефа, контуры которых позволяют идентифицировать предмет местности, – большие деревья, отдельные крупные строения.

Думается, что проведение поисково-спасательных операций является существенным аспектом в деятельности сотрудников ОВД РФ, так как до сих пор остается большой процент людей, пропавших без вести[1]. А от качества проведенной поисково-спасательной операции зависит число найденных людей.

МВД РФ является одним из органов исполнительной власти Российской Федерации, выполняющим функции по поиску людей. Данная деятельность в основном регламентирована Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции».

Итак, перейдем непосредственно к рассмотрению поисково-спасательной операции, под которой понимается «комплекс согласованных действий, направленных на поиск и оказание необходимой помощи людям, которые находятся в опасности» [подр.: 2] Эффективность проведенной поисково-спасательной операции во многом зависит от следующих показателей: своевременность, спланированность, профессионализм.

Предлагаем рассмотреть один из показателей, а именно планированность поисково-спасательных мероприятий, в которое входит выбор необходимого оборудования и транспортных средств, изучение района и ландшафта местности будущей операция. Изучение местности в данном случае может происходить как с помощью топографических карт, откуда сотрудники могут по-

1 Статистика пропавших без вести лиц по странам к 2025 году. URL: https://worldpopulationreview.com/country-rankings/missing-persons-statistics-by-country (дата обращения: 20.03.2025).

лучить информацию о рельефе территории, характере почвы, возможности переправы через реку, так и с помощью опроса местных жителей с предоставлением или составлением фотографий и схем. Несмотря на то, что данный метод развивает пространственное мышление, способствует быстрому запоминанию тех или иных особенностей местности, недостатки у этого метода тоже имеются. Так как непосредственным источником информации при опросе выступает человек, точность и быстрота определения объектов на местности тоже находится под вопросом, ведь сотрудник ОВД РФ сталкивается с субъективным фактором. Более того, неполное описание объекта может привести к неверному его выявлению в реальной действительности.

Приведем в пример случай, произошедший в Мотыгинском районе Красноярского края. В 2023 году пропал 21-летний сотрудник лесопожарного центра[1]. Перед проведением поисково-спасательной операции были изучены топографические карты местности. Благодаря этому были сделаны следующие выводы:

необходимо будет задействовать специальные транспортные средства, так как район операции находится в труднодоступном районе;

сотрудники, которые будут непосредственно задействованы в операции, должны быть снабжены огнестрельным оружием и GPS-треками, которые смогут записать маршрут движения. На практике GPS-устройства (Global Positioning System) стали незаменимыми помощниками сотрудникам ОВД РФ. Такие устройства особенно применяются при выполнении оперативно-служебных задач в незнакомой местности. Однако и у данной технологии находятся свои минусы, например возникают проблемы с большой задержкой во времени реакции, интерференцией или отсутствием спутников для работы GPS-устройств [5];

район операции содержит большое количество удаленных участков местности, поэтому необходимо привлечение беспилотных летательных аппаратов;

рельеф местности представляет собой холмистую местность с болотами.

Итак, знание местности является неотъемлемой частью планирования и производства оперативно-спасательных операций. Благодаря этому сотрудники обладают информацией о надобности привлечения необходимого оборудования. Более того, сотрудник ОВД РФ, владеющий и умеющий правильно применять топографические знания, способен грамотно выработать стратегию действий [6].

В настоящее время знание и понимание особенностей местности особенно имеет значение при ведении специальной военной операции (далее – СВО). В основе успешного проведения боевых операций лежит глубокое понимание тактических особенностей местности, поэтому предлагаем рассмотреть некоторые основные тактические свойства характерные для местности проведения СВО.

1 Красраб : интернет-портал. URL: https://krasrab.ru/news/incidents/31246 (дата обращения: 20.03.2025).

Проведение СВО происходит в условиях лесостепи. Лесостепь – это местность, которая сочетает в себе лесные и степные участки. Если говорить о маскировке, то наличие леса способствует маскировке войск от различных видов наблюдения, например, воздушного или наземного. Однако в степных условиях естественная маскировка невозможна. Поэтому необходимо создание искусственной маскировки. Так, в настоящее время, волонтеры поставляют на фронт маскировочные сети, а солдаты используют тюнинг оружия.

Проходимость войск обеспечивается за счет проведение боевых действий вдоль дороги или просек. Однако, несмотря на это, на определенных фронтах войны отсутствует дорожная сеть, появляется большое количество естественных препятствий, которые, в свою очередь, обуславливают низкую проходимость, что характерно для лесной местности. Это означает, что возникают определенные ограниченные возможности для ориентирования и ведения огня. Так, если расстояние между деревьями менее 6 м, а толщина деревьев более 20 см, то проход танков без валки деревьев невозможен. Степная же местность создает возможности для открытого обзора, а также для различных маневров войск. Однако вести наблюдение в условиях данной местности практически невозможно.

Организация обороны на отдельных направлениях также полностью зависит от того, на какой местности она будет происходить: лесной или степной. При лесной местности личному составу необходимо будет расчистить местность, а именно убрать мешающие нижние ветви деревьев, выкопать окопы, установить минные и сигнальные заграждения, с целью своевременного обнаружения противника. При организации же обороны в степной местности важно установить наблюдение за дорогами и другими имеющими значение объектами. Отражение нападения противника должно происходить с помощью различных видов огня совместно с инженерными заграждениями.

Стоит отметить работу топографов, работающих в настоящее время в зоне проведения СВО, так как навигационно-геодезические отделения при помощи различных беспилотных летательных аппаратов составляют карты местности, характерные для данного этапа времени на том или ином участке местности. Данный способ изучения местности получил название аэрофотосъемка. Полученные при помощи БПЛА фотографии (как правило, их около 400 шт.) топографы тщательно осматривают и после чего наносят все необходимые и значимые элементы на карту. Составленная карта передается военнослужащим, которые, основываясь на полученной информации, составляют план действий, распределяют боевые силы и средства необходимым образом. При аэрофотосъемке изображения местности точечно детализируются. Однако данный метод неэффективен в ночное и вечернее время, а также при проведении съемки в местах с плотной, густой растительностью .

Итак, использование топографических данных в современных боевых действиях напрямую связано с пониманием тактических особенностей местности и с тем, как она отображена на карте, составленной топографами.

Сотруднику ОВД РФ важно уметь ориентироваться на местности, несмотря на окружающую его обстановку, которая, например, может сопровождаться снегопадом или проливным дождем [8]. Помимо этого в современных условиях видится, что сотруднику приходится выполнять свои обязанности в различных регионах мира. А знание и понимание местности может дать сотруднику большое преимущество, так как сотрудник, несмотря на незнакомую местность и погодные условия, сможет сориентироваться, у него появляется понимание особенностей рельефа местности. И как следствие, сотрудник сможет выработать стратегию действий личного состава в зависимости от сложившихся ситуаций.

Библиографический список

1. Бордачёв, А.Ю. Применение знаний топографии сотрудниками полиции в современных условиях / А.Ю. Бордачев // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2024. – № 24. – С. 360-361.
2. Бордачёв, А.Ю. Применение топографии сотрудниками полиции в поисково-спасательных операциях / А.Ю. Бордачев // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 8-1(95). – С. 141-143.
3. Бордачёв, А.Ю. Топографическая подготовка сотрудников органов внутренних дел : учебное пособие / А.Ю. Бордачев, А.С. Сергиенко, Л.А. Платонов. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2021. – С. 3-4.
4. Ковтун, В.В. Современные требования к подготовке снайпера / В.В. Ковтун // Вопросы совершенствования тактико-специальной подготовки сотрудников правоохранительных органов : сборник материалов научно-практической конференции (Москва, 29 июня 2022 г.). – М.: Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, 2022. – С. 70-72.
5. Перов, А.И. Основы построения спутниковых радионавигационных систем / А.И. Перов. – М.: Радиотехника, 2012. – 240 с.
6. Тхазеплов, Т.М. Совершенствование профессиональных навыков сотрудников полиции в процессе обеспечения законности и правопорядка / Т.М. Тхазеплов // Журнал прикладных исследований. – 2023. – № S2. – С. 119-123.
7. Уилсон, Н. Руководство по ориентированию на местности. Выбор маршрута и планирование путешествия. Навигация с помощью карт, компаса и природных объектов / Н. Уилсон; пер. с англ. К. Ткаченко. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2020. – 344 с.
8. Хрисанов, В. А. Знание военной топографии сотрудниками ОВД как фактор их личной безопасности при выполнении оперативно-служебных задач на Северном Кавказе / В.А. Хрисанов, В.Л. Михайликов, А.А. Устинов // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2014. – № 1. – С. 97-104.

УДК 343.851.3

О ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ КОРРУПЦИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ ПУТЕМ ПРЕОДОЛЕНИЯ КОРРУПЦИОГЕННЫХ СТЕРЕОТИПОВ ИХ РАБОТНИКОВ

ON PREVENTING CORRUPTION IN EDUCATIONAL ORGANIZATIONS BY OVERCOMING THE CORRUPTION-CAUSING STEREOTYPES OF THEIR EMPLOYEES

Тимофей Викторович Кукин,
магистрант Юридического института Сибирского федерального университета (г. Красноярск)

tkukin@sfu – kras.ru

Ключевые слова:
коррупция,
противодействие коррупции,
образовательные организации,
антикоррупционное просвещение,
антикоррупционное образование,
коррупциогенные стереотипы.

В статье рассматриваются отдельные вопросы предупреждения коррупции в организациях. Отмечается, что коррупция в образовательных организациях представляет серьезную угрозу безопасности государства, поскольку имеет далеко идущие негативные последствия в иных сферах общественных отношений. При этом подчеркивается, что репрессивный компонент системы противодействия коррупции должен полноценно дополняться предупредительным воздействием, основанным на «мягкой силе» и направленным на формирование в обществе устойчивого антикоррупционного мировоззрения и антикоррупционной культуры. На примере одного из недавних фактов коррупционного деяния и ответственности за его совершение автор обращает внимание на предупредительный потенциал антикоррупционного просвещения и антикоррупционного образования работников образовательных организаций в целях преодоления устойчивых коррупциогенных стереотипов.

Keywords:
corruption,
anti-corruption,
educational organizations,
anti-corruption enlightenment,
anti-corruption education,
corruption-causing stereotypes.

This article examines specific issues concerning corruption prevention in organizations. It is noted that corruption in educational institutions poses a serious threat to state security, as it has far-reaching negative consequences in other spheres of public relations. The article emphasizes that the repressive component of the anti-corruption system must be fully complemented by preventive measures based on «soft power» and aimed at fostering

a sustainable anti-corruption worldview and anti-corruption culture in society. Using a recent case of corruption offense and liability for its commission as an example, the author draws attention to the preventive potential of anti-corruption awareness-raising and anti-corruption education for employees of educational organizations in order to overcome persistent corruption-inducing stereotypes.

Противодействие коррупции является одним из важных направлений государственной политики подавляющего большинства стран мира. Согласно преамбуле Конвенции ООН против коррупции[1] ее государства-участники убеждены в том, что коррупция уже не представляет собой локальную проблему, а превратилась в транснациональное явление, которое затрагивает общество и экономику каждого члена международного сообщества. Как отмечается в действующей Стратегии национальной безопасности Российской Федерации[2], «на фоне сохраняющихся социально-экономических проблем <...> растет потребность общества в повышении эффективности государственного управления, обеспечении социальной справедливости, *усилении борьбы с коррупцией* (выделено нами. – Т.К.) и нецелевым использованием бюджетных средств и государственного имущества, в проведении не подверженной влиянию групповых и родственных интересов кадровой политики в органах публичной власти и организациях с государственным участием» (п. 45). Сказанное обуславливает актуальность исследований в сфере противодействия коррупции, направленных на разработку эффективных антикоррупционных мер, а также совершенствование практики их применения.

Противодействие коррупции в деятельности организаций выступает серьезной теоретико-прикладной задачей. Как образно отмечают некоторые авторы, проникновение научно-исследовательского «бура» в эту сферу позволяет сделать вывод о том, что она изучена не в достаточной степени [19, с. 206]. В аспекте настоящего исследования организации могут рассматриваться как многофункциональные субъекты коррупционных отношений, общественная опасность которых по оценкам исследователей является недооцененной: «Организации представляют собой значимый резерв в механизме воспроизводства коррупционных проявлений в различных сферах. Особенность коррупции в деятельности организаций обусловлена тем, что непосредственное обеспечение жизнедеятельности общества и государства осуществляют различные по своей организационно-правовой форме организации» [7, с. 371]. Следует признать, что единая концепция противодействия коррупции в организаци-

1 См.: Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции : резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 31.10.2003 № 58/4 // Собрание законодательства РФ. 2006. № 26. Ст. 2780.

2 См.: О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27. Ч. 2. Ст. 5351.

ях до настоящего времени не сложилась, несмотря на то, что вклад в ее динамичное формирование внесли многие авторитетные ученые: Е.Ю. Антонова [2], В.В. Астанин [3], Ю.П. Гармаев [4], И.А. Дамм [5], Э.А. Иванов [9], С.К. Илий [10], П.А. Кабанов [11], Н.А. Лопашенко [13], С.А. Маркунцов [14], В.И. Михайлов [15], А.В. Полукаров [17], А.Л. Репецкая [18], Ю.В. Трунцевский [20], Т.Я. Хабриева [21], С.Н. Шевердяев [22], Н.В. Щедрин [23] и др.

Особую актуальность данная проблема имеет в сфере образования. В специальной литературе подчеркивается, что «в отсутствие осознания обучающимися ценности и значимости приобретаемых знаний и навыков, а также развитой антикоррупционной культуры поведения как среди обучающихся, так и среди педагогических работников, образовательные организации, пораженные коррупцией, массово воспроизводят готовые к вступлению в коррупционные отношения молодые кадры» [8, с. 17]. В подобных условиях будущее любого общества может быть поставлено под сомнение. При этом важно осознавать, что формированию антикоррупционной культуры поведения вряд ли могут способствовать исключительно репрессивные меры, направленные на выявление и привлечение к ответственности злостных коррупционных преступников. Необходимо сбалансированное использование «мягкой силы», основанной на распространении антикоррупционных знаний путем просветительской деятельности. В этом прослеживаются скрытые резервы общества и государства, на основе которых уже сейчас осуществляется трансформация парадигмы антикоррупционной деятельности[1]. Кроме того, как справедливо указывает И.А. Дамм, «в структуре политики противодействия преступности особое значение играют такие объекты воздействия, как образовательные организации», самоустранение которых «от процесса воспитания обучающихся приведет к необратимым последствиям и выхолащиванию целей образования» [6, с. 24].

Представляется, что антикоррупционная деятельность в образовательных организациях нуждается в осуществлении на системной основе, а ее субъектами призваны выступать не только обучающиеся, но и работники. Ставший на сегодняшний день популярным принцип антикоррупционного воздействия «тон сверху», предполагающий коррекцию модели поведения подчиненных под давлением эталона, формируемого руководством, соответствует целям антикоррупционного воспитания обучающихся, для которых педагогический состав и иные работники образовательной организации призваны выступать образцом для подражания. Поэтому качественное обеспечение соблюдения антикоррупционных стандартов, а также своевременное преодоление устойчивых коррупциогенных стереотипов[2] среди работников образовательных

1 См.: В СФУ прошел VIII Сибирский антикоррупционный форум // Официальный сайт Сибирского федерального университета. Режим доступа: https://sfu.ru/ru/media/news/3d8e123c-2685-426c-bf7e-11c4c31afc74 (дата обращения: 14.05.2025).

2 Мы поддерживаем точку зрения, согласно которой коррупциогенный стереотип понимается как «устойчивое бытовое представление о коррупции и мерах противодействия ей, в значительной степени способствующее совершению коррупционных правонарушений представителями некоторой социальной группы» [16, с. 74].

организаций является залогом успешного выполнения в образовательных организациях мировоззренческих задач в аспекте противодействия коррупции. Однако это происходит далеко не всегда, несмотря на прямое требование законодательства.

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 13.3 Федерального закона «О противодействии коррупции»[1] организации *обязаны* принимать меры по предупреждению коррупции. При этом, как следует из Методических рекомендаций Минтруда России по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции[2], под организацией понимается «юридическое лицо независимо от формы собственности, организационно-правовой формы и отраслевой принадлежности». Следовательно, на любую организацию, зарегистрированную в установленном порядке, распространяется действие ст. 13.3 названного закона. Вместе тем данная норма зачастую либо вовсе игнорируется в деятельности организаций, либо реализуется сугубо формально. Более того, многие организации фактически не видят в ней смысла и начинают применять данную норму в своей деятельности только тогда, когда к ним поступает представление прокурора об устранении нарушений законодательства в сфере противодействия коррупции. Для наглядности рассмотрим недавний пример из судебной практики.

Весной 2023 г. директор «Краевого центра закупок» Ч.Р. покинул должность. Формально – по собственному желанию, с соблюдением всех процедур. Но, как выяснилось, этот уход был не прощанием, а попыткой скрыться от надвигающегося скандала. Прокуратура Пермского края установила: Ч.Р. состоял в тесных личных отношениях с руководителями компаний, которые регулярно получали госконтракты через возглавляемую им структуру.

Детали, которые выдали дружбу: Ч.Р. и представители подрядчиков вместе отдыхали за границей (например, летали в Иорданию), проводили время в Крыму, а также устраивали совместные праздники. Особое внимание суда привлекли фотографии с крестин – на них Ч.Р. находится в кругу близких гостей, наряду с иереем и подрядчиками, с которыми его якобы связывали исключительно «деловые» отношения.

Мессенджеры пестрили переписками, где обсуждались не рабочие вопросы, а поездки, планы на отдых и семейные торжества. Возникал очевидный вопрос: мог ли человек, так плотно встроенный в личную жизнь подрядчиков, объективно оценивать условия государственных закупок и принимать решения без личной заинтересованности?

Ч.Р. своевременно не уведомил своего работодателя о конфликте интересов. Более того – сообщил о своих связях с подрядчиками лишь после начала

1 См.: О противодействии коррупции : Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52. Ч. 1. Ст. 6228.

2 См.: Методические рекомендации по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции // Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации. Режим доступа: https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/anticorruption/015/0 (дата обращения: 14.05.2025).

прокурорской проверки. Это и стало ключевым моментом в судебном разбирательстве. Районный суд сначала встал на сторону экс-директора, усмотрев в ситуации лишь «дружбу без корысти». Однако апелляционная и в конечном счете кассационная инстанции в своих определениях пришли к иному выводу: это типичный конфликт интересов, который подрывает доверие к институтам государственной власти. Более того, суд констатировал, что увольнение Ч.Р. должно было быть произведено не по собственному желанию, а по п. 7.1 ч. 1 ст. 81 Трудового кодекса РФ – «в связи с утратой доверия». Это не просто формулировка – это признание того, что личные связи чиновника превысили допустимые границы, нанеся ущерб репутации организации и ее деятельности в сфере публичных закупок[1].

Мы не можем достоверно утверждать, что Ч.Р. добросовестно заблуждался относительно того, что наличие дружеских отношений не влечет за собой конфликт интересов. Вместе с тем в рассмотренной ситуации прослеживаются признаки коррупциогенного стереотипа, широко распространенного среди работников организаций, в том числе в сфере образования.

В соответствии с ч. 1 ст. 10 Федерального закона «О противодействии коррупции» под конфликтом интересов понимается «ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий)». В свою очередь, согласно ч. 2 указанной статьи личная заинтересованность – это «возможность получения доходов в виде денег, иного имущества, в том числе имущественных прав, услуг имущественного характера, результатов выполненных работ или каких-либо выгод (преимуществ) лицом, указанным в части 1 настоящей статьи, и (или) состоящими с ним в близком родстве или свойстве лицами (родителями, супругами, детьми, братьями, сестрами, а также братьями, сестрами, родителями, детьми супругов и супругами детей), гражданами или организациями, с которыми лицо, указанное в части 1 настоящей статьи, и (или) лица, состоящие с ним в близком родстве или свойстве, связаны имущественными, корпоративными или *иными близкими отношениями* (выделено нами. – Т.К.)». Непонимание того, что законодатель подразумевал, используя формулировку «иные близкие отношения» в тексте федерального закона, зачастую приводит к плачевному итогу для должностных лиц, которые убеждены, что «формально они ничего не нарушают», ведь юридическая связь между одногруппниками, любовниками или крестными фактически отсутствует.

Вместе с тем, согласно Методическим рекомендациям Минтруда России по вопросам привлечения к ответственности должностных лиц за непринятие

1 См.: Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 18.02.2025 № 88-1465/2025 // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

мер по предотвращению и (или) урегулированию конфликта интересов[1], признаками иных близких отношений, с которыми может быть связана личная заинтересованность должностного лица, могут являться «совместное проживание, наличие регистрационного учета по одному месту жительства, ведение общего хозяйства, наличие общих внебрачных детей, участие в расходах другого лица, оплата долгов, отдыха, лечения, развлечений другого лица, регулярное совместное проведение досуга, дарение ценного имущества, иные обстоятельства, свидетельствующие о том, что жизнь, здоровье и благополучие близкого человека дороги соответствующему должностному лицу в силу сложившихся обстоятельств». Таким образом, суд совершенно справедливо указал на возможное влияние личной заинтересованности Ч.Р. на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им трудовых обязанностей директора «Краевого центра закупок», обусловленное иными близкими отношениями с представителями подрядчиков.

Подводя итог, необходимо отметить, что формирование у работников организаций верного представления о содержании и порядке соблюдения антикоррупционных стандартов поведения является значимой мерой по предупреждению коррупции. Не случайно, согласно ч. 2 ст. 13.3 Федерального закона «О противодействии коррупции» такие меры *могут включать* в том числе разработку и внедрение в практику стандартов и процедур, направленных на обеспечение добросовестной работы организации, принятие кодекса этики и служебного поведения работников организации, а также предотвращение и урегулирование конфликта интересов. Законодатель задал антикоррупционный ориентир, к которому организациям необходимо стремиться в целях обеспечения антикоррупционной безопасности [1]. И данному стремлению не должны препятствовать коррупциогенные стереотипы, продолжающие существовать в общественном сознании. Это особенно важно для сферы образования, поскольку многие осужденные за преступления коррупционной направленности должностные лица в последствие отмечали, что впервые столкнулись с коррупцией именно в период обучения в образовательной организации высшего образования [12, с. 272]. Следовательно, антикоррупционное просвещение и антикоррупционное образование работников организаций, предполагающие подробное разъяснение основных антикоррупционных стандартов поведения с учетом содержания базовых методических рекомендаций Минтруда России, является важным компонентом политики противодействия коррупции на современном этапе.

1 См.: Методические рекомендации по вопросам привлечения к ответственности должностных лиц за непринятие мер по предотвращению и (или) урегулированию конфликта интересов // Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации. Режим доступа: https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/anticorruption/9/15 (дата обращения: 14.05.2025).

Библиографический список

1. Антикоррупционные меры безопасности : монография / под ред. Н.В. Щедрина, И.А. Дамм. – М.: Проспект, 2020. – 496 с.

2. Антонова, Е.Ю. Уголовная ответственность юридических лиц за коррупционные преступления: компаративный анализ законодательных конструкций / Е.Ю. Антонова // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран : материалы XIII международной научно-практической конференции: в 2 т. Т. 2. – Иркутск: Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2024. – С. 105-110.

3. Астанин, В.В. Профилактика коррупционных правонарушений в организациях, контролируемых госкорпорациями : практическое пособие / В.В. Астанин. – М.: Юстицинформ, 2019. – 264 с.

4. Гармаев, Ю.П. Антикоррупционный комплаенс в Российской Федерации: междисциплинарные аспекты : монография / Ю.П. Гармаев, Э.А. Иванов, С.А. Маркунцов. – М.: ИД «Юриспруденция», 2020. – 240 с.

5. Дамм, И.А. Антикоррупционные стандарты поведения лиц, осуществляющих управленческие функции в образовательной организации / И.А. Дамм // Право и политика. – 2017. – № 12. – С. 14-26.

6. Дамм, И.А. Политика противодействия преступности как новая парадигма взаимодействия общества и государства / И.А. Дамм // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – Т. 17. – № 1. – С. 12-27.

7. Дамм, И.А. Типология организаций в аспекте противодействия коррупции в Российской Федерации / И.А. Дамм, В.В. Кострыкина // Russian Journal of Economics and Law. 2023. – Т. 17. – № 2. – С. 367-384.

8. Дамм, И.А. Характерные черты, типы, формы и виды коррупции в сфере образования / И.А. Дамм // Актуальные вопросы противодействия коррупции в сфере образования : сборник научных статей по материалам IV Сибирского антикоррупционного форума. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2019. – С. 16-27.

9. Иванов, Э.А. Антикоррупционный комплаенс-контроль в странах БРИКС : монография / Э.А. Иванов. – М.: Юриспруденция, 2015. – 136 с.

10. Илий, С.К. Предупреждение коррупции в организациях и учреждениях органами прокуратуры / С.К. Илий // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. – 2018. – № 2. – С. 90-95.

11. Кабанов, П.А. Антикоррупционный аудит как инструмент противодействия коррупции: понятие, содержание, вопросы правового регулирования / П.А. Кабанов // Административное и муниципальное право. – 2015. – № 7. – С. 744-753.

12. Личность коррупционного преступника : монография / под ред. Р.В. Жубрина. – М.: Проспект, 2019. – 384 с.

13. Лопашенко, Н.А. О некоторых проблемах понимания и толкования взяточничества и коммерческого подкупа (квалификационные проблемы) / Н.А. Лопашенко // Уголовное право. – 2013. – № 5. – С. 83-88.

14. Маркунцов, С.А. Об уголовно-правовых рисках и системе преступлений в сфере антикоррупционного комплаенса / С.А. Маркунцов, М.П. Вассмер // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – Т. 15. – № 2. – С. 238-247.

15. Михайлов, В.И. Коммерческий подкуп и взяточничество: направления развития законодательства / В.И. Михайлов // Lex russica. – 2017. – № 6. – С. 85-100.

16. Основы антикоррупционного просвещения в сфере образования : учебное пособие / под ред. И.А. Дамм, Н.В. Щедрина. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2016. – 200 с.

17. Полукаров, А.В. Административно-принудительные средства противодействия коррупции в социальной сфере / А.В. Полукаров // Государство и право. – 2018. – № 2. – С. 49-58.

18. Репецкая, А.Л. Российский криминальный рынок коррупционных услуг: современная характеристика и противодействие / А.Л. Репецкая // Академический юридический журнал. – 2024. – Т. 25. – № 4. – С. 632-639.

19. Тепляшин, П.В. Методологические основы криминологической антикоррупционной политики / П. В. Тепляшин // Теоретические основы правовой политики в современной России : материалы I национальной (всероссийской) научно-практической конференции. – Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2023. – С. 205-209.

20. Трунцевский, Ю.В. Методика оценки коррупционного риска в сфере частного бизнеса (индекса риска делового взяточничества) / Ю.В. Трунцевский // Безопасность бизнеса. – 2016. – № 5. – С. 33-40.

21. Хабриева, Т.Я. Социальный контроль и противодействие коррупции / Т.Я. Хабриева // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2017. – № 4. – С. 5-10.

22. Шевердяев, С.Н. Проблемы противодействия муниципальной коррупции, затрагивающей предпринимателей / С.Н. Шевердяев // Право и экономика. – 2017. – № 10. – С. 5-14.

23. Щедрин, Н.В. Уголовная ответственность юридических лиц или иные меры уголовно-правового характера в отношении организаций / Н.В. Щедрин, А.А. Востоков // Уголовное право. – 2009. – № 1. – С. 58-61.

УДК 341 : 343.9

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ПО УРЕГУЛИРОВАНИЮ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

IMPLEMENTATION OF INTERNATIONAL OBLIGATIONS TO RESOLVE CONFLICTS OF INTEREST IN THE LAW ENFORCEMENT SYSTEM

Диана Павловна Потехина,

магистрант Юридического института Сибирского федерального университета (г. Красноярск)

potekhinadiana@yandex.ru

Ключевые слова:
правоохранительная система,
коррупция,
конфликт интересов,
имплементация,
международные обязательства,
механизм имплементации.

В статье рассматривается процесс имплементации международных обязательств в сфере урегулирования конфликтов интересов в российской правоохранительной системе, играющий важную роль в создании и совершенствовании национального законодательства, направленного на эффективное противодействие коррупции. Несмотря на наличие основных международных стандартов, установленных Конвенцией ООН против коррупции, а также рекомендациями ОЭСР, все еще можно говорить о системных пробелах в национальном правовом регулировании ситуации конфликта интересов в правоохранительной системе, устранение которых возможно путем имплементации иных положений, содержащихся в международных актах.

Keywords:
law enforcement system,
corruption,
collision of interest,
implementation,
international obligations,
implementation mechanism.

The article examines the process of implementing international obligations in the field of conflict of interest resolution in the Russian law enforcement system, which plays an important role in creating and improving national legislation aimed at effectively combating corruption. Despite the existence of the main international standards established by the UN Convention against Corruption, as well as the recommendations of the OECD, it is still possible to talk about systemic gaps in the national legal regulation of conflict of interest situations in the law enforcement system, which can be eliminated by implementing other provisions contained in international acts.

Коррупция остается одним из наиболее серьезных источников опасности, поскольку, посягая на фундаментальные сегменты общественных отношений, она не только оказывает вредоносное воздействие на жизнь конкретного субъекта и государства, но и негативно влияет на мировое сообщества в целом.

Одним из проявлений коррупции является ситуация конфликта интересов. Конфликт интересов согласно части 1 статьи 10 Федерального закона от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» – это ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий). Несмотря на наличие закрепленного в законе определения, конфликт интересов остается предметом изучения ученых [2, с. 6-7; 3, с. 85; 4, с. 11].

Хотя конфликт интересов обычно ассоциируется с государственной службой, он представляет не меньшую угрозу для эффективности функционирования правоохранительной системы. На данные особенности обращается внимание и в специальных компаративистских исследованиях [6, с. 215].

Конфликт интересов в правоохранительной системе представляет особую опасность, поскольку личная заинтересованность сотрудника, оказывающая влияние на его профессиональные решения, впоследствии оказывает негативный эффект на безопасность государства. В свою очередь, обеспечение безопасности выступает естественным стремлением любой социальной организации к самосохранению и дальнейшему развитию [7, с. 303]. Обеспечение безопасности государства возможно в том числе посредством разработки и совершенствования мер безопасности.

Ввиду транснационального характера коррупции, появления новых и более сложных для выявления форм коррупции сохраняется необходимость в международном сотрудничестве. Наличие правовой основы для эффективного взаимодействия на международном уровне позволяет повысить эффективность работы, связанной с формированием международных положений, направленных на противодействие коррупции, которые государства впоследствии имеют право конкретизировать или расширить.

Ситуация конфликта интересов в правоохранительной системе нуждается в развитии более плотного международного сотрудничества и, как следствие, разработке универсальных положений, которые могут быть имплементированы государствами в национальное законодательство, поскольку субъекты данной системы выполняют функции представителей власти в органах государственной власти, что значительно повышает вероятность возникновение ситуации конфликта интересов.

Для урегулирования ситуации конфликта интересов в деятельности правоохранительной системе в Российской Федерации характерен комплекс

мер, сочетающий императивное и рекомендательное регулирование. Так, положения Конвенции ООН против коррупции 2003 г. (далее – Конвенция), в частности часть 4 статьи 7, обязывают участников Конвенции создавать, поддерживать и укреплять такие системы, какие способствуют прозрачности и предупреждают возникновение коллизии интересов. Положения Конвенции для ее участников носят императивный характер, что свидетельствует о принятии государствами обязательств имплементировать содержащиеся в Конвенции положения, выбрав способы и институты для реализации положений самостоятельно.

Так, имплементация положений Конвенции Российской Федерацией на внутригосударственном уровне, непосредственное исполнение обязательств Конвенции произошло благодаря изданию Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 280-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и принятием Федерального закона «О противодействии коррупции». Результатом имплементации стало появление нового закона, который не только закрепил категорию «конфликт интересов», но и внес изменения в законы, регулирующие деятельность работников правоохранительной системы.

Несмотря на тот факт, что в судебной практике Российской Федерации суды в основном ссылаются на положения национального законодательства в части регулирования ситуации конфликта интересов, однако есть несколько значимых примеров, где суды учитывали положения Конвенции. Наибольшее распространение в судебной практике получило совместное применение норм международного права и национального законодательства [8, с. 148]. Такое применение норм международного права в судебных решениях позволяет дополнить обоснование для придания решениям большей юридической весомости.

Так, в определении суда о признании незаконными приказов об увольнении со службы внутренних дел П., приказа о наложении на истца дисциплинарного взыскания, а также их отмене, восстановлении на службе, взыскании заработной платы за время вынужденного прогула, компенсации морального вреда, признании незаконными результатов проверки, объясняя невозможность отмены судебного решения первой инстанции на основании содержащихся в апелляционной жалобе доводов, применяет положения Конвенции. Судом в определении отмечается, что доводы в апелляционной жалобе заявлены подателем жалобы без учета признаков коррупционного нарушения, положенного в основу расторжения контракта и увольнения сотрудника из органов внутренних дел Российской Федерации по основанию утраты доверия, тогда как в силу части статьи 5 Конвенции каждое государство-участник, которым является Российская Федерация, в соответствии с основополагающими принципами своей правовой системы, разрабатывает и осуществляет или

проводит эффективную и скоординированную политику противодействия коррупции, способствующую участию общества и отражающую принципы правопорядка, надлежащего управления публичными делами и публичным имуществом, честности и неподкупности, прозрачности и ответственности. Более того, в определении также имеется ссылка на часть 2 статьи 8, в которой содержится обязательство государства-участника по применению в рамках своих институциональных и правовых систем кодексов или стандартов поведения для правильного, добросовестного и надлежащего выполнения публичных функций[1].

В следующем примере судом также, помимо ссылок на положения национального законодательства используются положения Конвенции, в частности ссылка на подпункт «е» пункта 2 статьи 12 Конвенции, содержащей положение о предупреждении возникновения коллизии публичных и частных интересов, связанных с установлением ограничений в отношении профессиональной деятельности бывших публичных должностных лиц или в отношении работы публичных должностных лиц в частном секторе после их выхода в отставку или на пенсию, когда такая деятельность или работа прямо связаны с функциями, которые такие публичные должностные лица выполняли в период их нахождения в должности или за выполнением которых они осуществляли надзор. Кроме того, судом подчеркивается не только важность международных положений, но и отмечается системная взаимосвязь положений национального и международного законодательства по противодействию коррупции, а именно предотвращение и урегулирование ситуации конфликта интересов[2].

Важно отметить, что регулирование ситуации конфликта интересов возможно не только путем включения в национальное законодательство императивных положений, но и с помощью имплементации международных антикоррупционных стандартов, которые являются нормами «мягкого» права. Международные рекомендательные акты получают все большее распространение в практике взаимодействия государств и охватывают самые различные области [1, с. 261].

Рекомендации Организации экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР) по урегулированию конфликта интересов, утвержденные Советом ОЭСР 28 мая 2003 года по предложению Комитета по государственному управлению (далее – Рекомендации), являются нормами «мягкого» права, поскольку содержащиеся в Рекомендациях положения не налагают правовых обязательств, а также позволяют конкретизировать минимальные стандарты иных имплементированных международных актов.

Российское законодательство о конфликте интересов в целом соответствует международным стандартам. Например, влияние и применение Рекоменда-

1 Апелляционное определение Ленинградского областного суда от 01.06.2022 № 33-3926/2022. URL: https://www.судебныерешения.рф/68714496 (дата обращения: 11.04.2025).

2 Апелляционное определение Вологодского областного суда от 16.06.2022 № 33а-2647/2022. URL: https://www.судебныерешения.рф/68743862 (дата обращения: 11.04.2025).

ций в законодательстве Российской Федерации можно проследить в разработанном Кодексе корпоративного поведения и рекомендациях к нему, а также Типовом кодексе этики и служебного поведения, которые были составлены с учетом принципов и рекомендаций ОЭСР. Однако некоторые положения Рекомендаций остаются не имплементированными или реализованными лишь частично. В то же время эти нормы успешно применяются в других странах, особенно в государствах-членах ОЭСР.

Важно отметить, что не всегда участие в деятельности международной организации, Конвенции обуславливает возможность имплементации норм «мягкого права». В настоящее время Российская Федерация не является участником ряда международных организаций, а также не является участником конвенций ОЭСР, целью которых является противодействие коррупции. Так, например, ранее принятые ОЭСР акты должны были учитываться Россией, несмотря на тот факт, что Россия в тот момент не обладала статусом участника [5, с. 103]. Тем не менее государство на внутригосударственном уровне может принимать новые законы, подзаконные акты, изменять существующие акты в соответствии с международными рекомендациями и стандартами, интегрируя и приспосабливая их к национальным особенностям правовой системы.

Положения, содержащиеся в Рекомендациях, относятся к нормам «мягкого права», что свидетельствует о том, что данные положения не обладают императивным характером, но также соответствуют иным признакам норм «мягкого права». Нормам «мягкого права» присущ специфический характер правил поведения, представляющих собой определенные «образцы», «стандарты», которые могут быть реализованы частично, с учетом различных обстоятельств, по мере возможностей [9, с. 36]. Тем не менее положения рекомендательных актов играют важную роль в совершенствовании антикоррупционного законодательства, поскольку закрепленные в международных рекомендациях нормы позволяют урегулировать общественные отношения в случае наличия законодательного пробела и более детально рассмотреть предложенные средства и меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, имплементировать их в национальном законодательстве с целью выполнения обязательств по международным актам, имеющим обязательных характер.

Так, в Рекомендациях содержится положение о создании отдельного антикоррупционного агентства с полномочиями расследовать конфликты интересов. Такой орган рекомендуется создавать в том числе и в правоохранительной системе. В национальном законодательстве Российской Федерации не содержится положений о соответствующем органе, в том время как в Южной Корее данное положение успешно реализуется.

Южная Корея является одним из наиболее успешных примеров имплементации рекомендаций ОЭСР по противодействию коррупции и урегулированию конфликтов интересов, особенно в части создания независимого антикоррупционного агентства. Данное агентство наделено функциями по оценке уровня целостности государственных организаций и усилий по борьбе с кор-

рупцией, предоставлению рекомендаций государственным организациям, изучению факторов коррупционного риска в нормативных актах, обучению государственных должностных лиц борьбе с коррупцией, повышению осведомленности общественности о коррупционных рисках, защите и награждению информаторов, а также мониторингу реализации Кодекса поведения государственных служащих[1]. Имплементация данного стандарта в национальное законодательство Российской Федерации и, как следствие, создание подобного органа позволит ликвидировать дублирование полномочий в правоохранительных органах, позволит производить проверку сведений всех сотрудников с помощью введения автоматизированного контроля.

Имплементация международных обязательств по урегулированию конфликта интересов в правоохранительной системе остается важной задачей в глобальном процессе противодействия коррупции. Вместе с тем значительное усиление законодательной базы по противодействию коррупции, в том числе за счет имплементации международных обязательств, не свидетельствует в полной мере о достаточности и эффективности имплементированных положений. Формальное закрепление положений не всегда гарантирует их практическую реализацию, что требует проведения системной ревизии законодательства на предмет соответствия международным стандартам.

Таким образом, осуществление ревизии национального законодательства на предмет его соответствия международным стандартам возможно при создании органа, наделенного полномочиями проводить анализ законодательства на соответствие международным стандартам, а также на достаточность имплементированных в выполнении принятых обязательств по международному акту императивного характера.

Реализация данного положения возможна путем организации на условиях эксперимента соответствующего органа или подразделения в правоохранительной системе. В качестве результатов эксперимента ожидается повышение уровня имплементированности международных норм, снижение коррупционных рисков в правоохранительной системе.

1 Вводная информация о системе оценки коррупционных рисков Южной Кореи. URL: https://clck.ru/3LVo8Y (дата обращения: 11.04.2025).

Библиографический список

1. Антикоррупционные стандарты Организации экономического сотрудничества и развития и их реализация в Российской Федерации : монография / Т.Я. Хабриева, А.В. Федоров, А.А. Каширкина [и др.] ; под ред. Т.Я. Хабриевой, А.В. Федорова. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2024. – 296 с.

2. Конфликт интересов: природа, предупреждение, социальное регулирование / Т.Я. Хабриева, А.Я. Капустин, А.В. Габов, Н.Н. Черногор // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2018. – № 3. – С. 5-12.

3. Осипенко, А.О. Правовая природа конфликта интересов / А.О. Осипенко // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 3. – С. 84-92.

4. Ноздрачев, А.Ф. Конфликт интересов в системе государственного и муниципального управления: проблема нормативного правового определения понятия / А.Ф. Ноздрачев // Законодательство и экономика. – 2016. – № 3. – С. 7-30.

5. Правовые механизмы имплементации антикоррупционных конвенций : монография / Т.Я. Хабриева, О.И. Тиунов, В.П. Кашепов и др. ; отв. ред. О.И. Тиунов. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2012. – 288 с.

6. Тепляшин, П.В. Наказания и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к осужденным за коррупционные преступления: отечественный и зарубежные тренды / П.В. Тепляшин // Актуальные вопросы противодействия коррупции в сфере образования : сборник научных статей по материалам IV Сибирского антикоррупционного форума / отв. ред. И.А. Дамм, Е.А. Акунченко. – Красноярск: СФУ, 2019. – С. 214-219.

7. Тепляшин, П.В. Теоретические основы антикоррупционных мер личной безопасности осужденных, отбывающих лишение свободы / П.В. Тепляшин // Уголовно-исполнительное право. – 2022. – № 3. – С. 301-312.

8. Терешкова, В.В. Применение норм международного права в судебной системе Российской Федерации : дис... канд. юрид. наук / В.В. Терешкова. – Екатеринбург, 1998. – 229 с.

9. Халафян, Р.М. Нормы международного «мягкого права» в правовой системе Российской Федерации. Развитие механизма национально-правовой имплементации международных норм / Р.М. Халафян. – М.: Норма: ИНФРА-М., 2022. – 256 с.

УДК 342.8

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ РЕСУРС КАК ИНСТРУМЕНТ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЛИЦ, РЕАЛИЗУЮЩИХ СВОЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО И СОДЕРЖАЩИХСЯ ПОД СТРАЖЕЙ

ADMINISTRATIVE RESOURCE AS AN INSTRUMENT OF INFLUENCE ON PERSONS EXERCISING THEIR RIGHT TO VOTE AND DETAINED

Софья Олеговна Терешко,

магистрант Юридического института Сибирского федерального университета (г. Красноярск)

pivkoson@gmail.com

Ключевые слова:
административный ресурс, избирательный процесс, подозреваемые, обвиняемые, подсудимые, активное избирательное право, следственные изоляторы.

В статье рассматривается проблема возможности правомерного воздействия со стороны сотрудников мест содержания под стражей на реализацию подозреваемыми, обвиняемыми и подсудимыми своего активного избирательного права, что может привести к нарушению принципа добровольного и свободного участия в выборах. Эта возможность имеется ввиду низкого уровня транспарентности мест содержания под стражей и специфики правоотношений между сотрудниками и подозреваемыми, обвиняемыми и подсудимыми. Аргументируется необходимость разработки мер предотвращения злоупотребления административным ресурсом со стороны сотрудников в избирательный период.

Keywords:
administrative resource, electoral process, suspects, accused, defendants, active suffrage, pre-trial detention centers.

The article examines the problem of the possibility of lawful influence by the staff of places of detention on the exercise by suspects, accused and defendants of their active electoral right, which may lead to a violation of the principle of voluntary and free participation in elections. This possibility exists due to the low level of transparency of places of detention and the specifics of legal relations between employees and suspects, accused and defendants. The necessity of developing measures to prevent abuse of administrative resources by employees during the election period is argued.

В соответствии со статьей 32 Конституции Российской Федерации не имеют права избирать и быть избранными граждане, признанные судом недееспособными, а также содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда. Однако подозреваемые, обвиняемые и подсудимые не лишены права участвовать в голосовании, и в настоящее время в средствах массовой информации или в открытых источниках сети Интернет можно встретить отчетную информацию о том, как прошло голосование в следственных изоляторах (далее – СИЗО).

В связи со спецификой нахождения данных лиц в местах содержания под стражей, наличия «вертикального» типа взаимоотношений (власти и подчинения) важно рассмотреть возможность влияния сотрудниками СИЗО в силу наличия у них административного ресурса на принятие решений подозреваемыми, обвиняемыми и подсудимыми, в том числе в части их участия в избирательном процессе.

В соответствии со ст. 8 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (далее – Федеральный закон о содержании под стражей), СИЗО входят в структуру уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) и предназначены для содержания подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу. В данный перечень лиц следует добавить и подсудимых, находящихся под стражей, поскольку фактически они также не лишены активного избирательного права из-за отсутствия в отношении них вступившего в законную силу приговора.

В соответствии со ст. 15 Федерального закона о содержании под стражей обеспечение режима, обеспечивающего соблюдение прав подозреваемых и обвиняемых, исполнение ими своих обязанностей, их изоляции, а также выполнение задач, предусмотренных УПК РФ, возлагается на администрацию, а также на сотрудников мест содержания под стражей. При этом к сотрудникам в соответствии со ст. 12 данного закона относятся лица рядового и начальствующего состава органов внутренних дел, сотрудники учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, военнослужащие органов федеральной службы безопасности и Вооруженных Сил Российской Федерации, исполняющие обязанности по обеспечению режима содержания под стражей.

Подтверждение наличия властных полномочий у сотрудников в отношении подозреваемых, обвиняемых и подсудимых в законе можно обнаружить, например, в ст. 36 Федерального закона о содержании под стражей, где обозначены основные обязанности лиц, содержащихся в СИЗО: соблюдать порядок содержания под стражей, выполнять законные требования администрации мест содержания под стражей, не препятствовать сотрудникам, а также иным лицам, обеспечивающим порядок содержания под стражей, в выполнении ими служебных обязанностей и др. В то же время сотрудники СИЗО обладают такими полномочиями, как возможность

проведения обыска подозреваемых и/или обвиняемых, их помещений, досмотра их вещей, посылок (ст. 34), возможность применения мер поощрения (ст. 37) и мер взыскания (ст. 38) и др.

Во многом отношения между сотрудниками СИЗО и подозреваемыми, обвиняемыми и подсудимыми регулируются также Правилами внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, утвержденными приказом Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 г. № 110. К примеру, для подозреваемых и обвиняемых разделом II установлено следующее: выполнять законные требования администрации СИЗО (пп. 9.2 п. 9), без разрешения администрации запрещается покидать камеры и другие помещения режимных корпусов (пп. 11.2 п. 11) и др.

В наличии данных возможностей и инструментов в отношении подозреваемых и обвиняемых и заключается административный ресурс воздействия со стороны сотрудников УИС, а также объективные возможности подконтрольности данных лиц. Это вытекает из специфики процесса взаимодействия сотрудника и лица, содержащегося в условиях изоляции от общества [1, с. 225; 5, с. 139-140].

С другой стороны, административный ресурс в данном случае также можно рассмотреть, как основной инструмент обеспечения отношений строгой субординации между сотрудниками УИС и лицами, содержащимися в следственных изоляторах.

В настоящее время российское законодательство ни в одном нормативном правовом акте не определяет и не упоминает термин «административный ресурс». Однако в медийном пространстве это понятие употребляется довольно часто и в самых разнообразных сферах: политической, образовательной, электоральной и прочих. Тем не менее в настоящее время в отношении административного ресурса отсутствуют какие-либо структурированные и систематизированные знания, включая единообразие подхода к его терминологии: в литературе можно встретить использование не только самого термина «административный ресурс», но равнозначно применяемых: «государственный ресурс»[1], «электоральное злоупотребление властью» [2], «управленческие средства» [4], «электоральная коррупция» [3].

Для начала стоит определиться с семантической стороной термина «административный ресурс», рассмотреть каждую его составляющую. Толковый словарь Ожегова определяет слово «ресурс» как «запас, источник чего-то» или как «средство, к которому обращаются в необходимом случае». Слово же «административный» является производным от слова «администрация», которое по вышеуказанному источнику означает «органы управления исполнительной власти, а также вообще власти» или «должностных лиц управления». При этом не важно, относятся ли эти лица напрямую

1 См., напр.: Европейская комиссия за демократию через право (Венецианская комиссия). Доклад о злоупотреблении административным ресурсом в ходе избирательных процессов. URL: https://clck.ru/3Du78S (дата обращения: 18.04.2025).

к органам государственной власти, поскольку термин «администрация» применим к любой организации[1]. Применительно к системе УИС, по такому принципу административный ресурс может иметь значение как властный ресурс сотрудников и администрации мест содержания под стражей.

Административный ресурс как структурный элемент системы государственного управления до сих пор и в теории, и на практике определяется в самых общих чертах как ресурс влияния отдельных должностных лиц и государственных институтов. В некоторых публикациях он раскрывается как система управленческих методов и инструментов, реализуемых должностными лицами и государственными органами для решения различных задач. Некоторые исследователи определяют использование административного ресурса в избирательном процессе исключительно через неправомерное использование полномочий и должностных обязанностей для создания незаконного преимущества. Другими словами, административному ресурсу с такой точки зрения характерна коррупционная природа. Однако существует и иная позиция, согласно которой использование административного ресурса как управленческого метода воздействия может быть как законным, так и незаконным, в том числе коррупционным. Другими словами, различаться по виду в зависимости от решаемых с помощью него задач[2].

В соответствии с п. 1 Положения о Федеральной службе исполнения наказаний, утвержденного Указом Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 1314 (далее – Положение), в отношении подозреваемых и обвиняемых Федеральная служба исполнения наказаний (далее – ФСИН России) «является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим… функции по содержанию лиц, подозреваемых либо обвиняемых в совершении преступлений, <…> их охране и конвоированию, <…> и по контролю за нахождением лиц, подозреваемых либо обвиняемых в совершении преступлений, <…> и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений». В соответствии с п. 5 Положения ФСИН России осуществляет свою деятельность непосредственно и (или) через свои территориальные органы, учреждения, исполняющие наказания, следственные изоляторы, а также предприятия, учреждения и организации, специально созданные для обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы. Таким образом, направленность административного ресурса в органах УИС будет заключаться в обеспечении контроля, охраны и содержания подозреваемых и обвиняемых в следственных изоляторах.

---

1 Так, в качестве примера в словаре приведено словосочетание «должностные лица управления завода». См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/207750?ysclid=ly3r98s3xd739644522 (дата обращения: 18.04.2025).

2 См., напр.: Горный М.Б. Прозрачная власть против административного ресурса // Электронная библиотека «Гражданское общество». URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Gornyi_prozr.pdf. (дата обращения: 18.04.2025).

Однако подобный властный инструмент может использоваться сотрудниками УИС не только для реализации возложенных на них задач, но и для воздействия на волю лиц, содержащихся под стражей, в том числе при реализации своего активного избирательного права – так, к примеру, со стороны сотрудников УИС в отношении осужденных может оказываться принуждение к голосованию за конкретного кандидата или партию, где принуждение может быть реализовано через возможность применения к осужденным различных мер взыскания или даже физической силы. Фактически возможность применения мер взысканий и физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия в местах содержания под стражей прямо предусмотрено в ст. 38 и 43 Федерального закона о содержании под стражей для прямого влияния на поведение подозреваемых и обвиняемых. Другими словами, это законно существующий у сотрудников административный ресурс, который в связи с тем потенциально может незаконно использоваться ими по своему усмотрению, в том числе для оказания воздействия при голосовании на выборах.

На практике это подтверждается тем, что в период проведения выборов на сайтах, посвященных размещению информации о нарушении избирательных прав граждан, таких как, например, «Карта нарушений»[1], периодически появляются сообщения о принуждении к голосованию или об отказе в способствовании осуществления избирательных прав подозреваемыми или обвиняемыми. Можно привести следующие примеры.

1. Сообщение от 26 июня 2020 г.: «Заключенный математик Азат Мифтахов столкнулся с принуждением к голосованию по поправкам к Конституции в СИЗО «Бутырка». К Азату Мифтахову пять раз обращались сотрудники СИЗО с требованием проголосовать и намекали на проблемы, если Азат откажется»[2].

2. Сообщение от 22 июня 2020 г.: «Заключенных московских СИЗО заставляют участвовать в голосовании. Сотрудники изоляторов раздают арестованным бланки и требуют написать заявления для голосования»[3]. Формально заключенные могут отказаться писать заявления, но в действительности люди, содержащиеся в изоляторах, во многом зависят от администрации учреждения, поэтому регистрация на голосовании носит «добровольно-принудительный характер». Теоретически у заключенных есть возможность не поддержать поправки к Конституции, если на участках будут присутствовать наблюдатели, сотрудники СМИ или представители общественных наблюдательных комиссий. Но на практике заключенные думают не только о том, чтобы сохранить

1 Примечание: проект «Карта нарушений» принадлежит общественному движению в защиту прав избирателей «Голос», которое признано российскими властями общественным объединением, выполняющим функции иностранного агента.

2 «Карта нарушений на выборах»: сообщение ID52576 от 26.06.2020. URL: https://www.kartanarusheniy.org/messages/52576 (дата обращения: 18.04.2025).

3 «Карта нарушений на выборах»: сообщение ID52044 от 22.06.2020. URL: https://www.kartanarusheniy.org/messages/52044 (дата обращения: 18.04.2025).

свой голос, но и о том, что с ними будет, когда наблюдатели покинут изоляторы, а заключенные останутся один на один с администрацией[1].

3. Сообщение от 29 ноября 2011 г.: «В Калининградском СИЗО <...> стены служебных помещений изолятора оклеены агитками ЕР. А накануне благотворители от ЕР всем подследственным в камерах СИЗО раздавали подарки – пачка чая и пачка сигарет, завернутые в предвыборную агитационную газету от ЕР»[2].

Первые два примера наглядно показывают, что, несмотря на наличие у подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей, активного избирательного права, их изоляция и наличие функций со стороны сотрудников по контролю за ними позволяют последним незаконно использовать административный ресурс в целях влияния на принимаемое ими решение. Здесь административный ресурс носит незаконный характер в силу того, что в соответствии с п. 3 Федерального закона от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» никто не вправе оказывать воздействие на гражданина с целью принудить его к участию или неучастию в выборах.

Другими словами, в приведенных примерах в действительности у сотрудников УИС имеются все объективные возможности воздействия на содержащихся под стражей и зависящих от них лиц – подозреваемых и обвиняемых.

Более специфичным является третий пример, поскольку в данном случае сотрудники УИС на законных основаниях используют свои полномочия, однако с целью агитации. В соответствии с Федеральным законом о содержании под стражей и Правилами внутреннего распорядка сотрудники имеют право доступа в помещения, где содержат под стражей обвиняемых и подозреваемых, а также право передавать указанным субъектам материально-бытовые вещи, продукты питания и др. В данном случае, подозреваемые и обвиняемые фактически поставлены в бытовую зависимость от сотрудников.

Также одним из факторов, способствующих злоупотреблению административным ресурсом, является и то, что СИЗО – режимный объект, внутренняя деятельность которого имеет закрытый характер и не доступна широкому кругу общественности. Поэтому агитация в рамках низкого уровня открытости и прозрачности (транспарентности) деятельности учреждения может носить систематический и узконаправленный характер – как во втором примере, побуждать к голосованию за конкретного кандидата или партию, в том числе с использованием «подарков» с целью подкупа избирателей, еще не лишенных активного избирательного права.

---

1 «Открытые медиа»: заключенных в московских СИЗО массово заставляют участвовать в голосовании по поправкам. URL: https://openmedia.io/news/n3/zaklyuchennyx-v-moskovskix-sizo-massovo-zastavlyayut-uchastvovat-v-golosovanii-po-popravkam/ (дата обращения: 18.04.2025)

2 «Карта нарушений на выборах»: сообщение ID4674 от 29.11.2011. URL: https://www.kartanarusheniy.org/messages/4674 (дата обращения: 18.04.2025).

Таким образом, ввиду своего статуса подозреваемые и обвиняемые хоть и не лишены в соответствии с законодательством избирательного права, но, поскольку во многом зависимы от сотрудников УИС, имеют высокий риск попасть под воздействие их административного ресурса. Полагаем, что повышение уровня транспарентности деятельности СИЗО и возможность привлечения независимых наблюдателей в период избирательной кампании могли бы снизить данный риск воздействия на принимаемое подозреваемыми и обвиняемыми решения в рамках избирательного процесса.

Библиографический список

1. Антикоррупционные меры безопасности : монография / под ред. Н.В. Щедрина, И.А. Дамм. – М.: Проспект, 2024. – 489 с.

2. Кабанов, П.А. Электоральное злоупотребление властью как криминологическая категория и ее содержание / П.А. Кабанов, А.П. Свигузова // Следователь. – 2009. – № 3. – С. 62-64.

3. Номоконов, В.А. Государственная антикоррупционная политика в сфере защиты избирательных прав граждан // Антикоррупционная безопасность избирательного процесса: состояние и перспективы : сборник научных статей по материалам III Сибирского антикоррупционного форума, г. Красноярск, 7-8 декабря 2017 г. – Красноярск: СФУ, 2018. – С. 27-32.

4. Панфилова, Е.А. Противодействие злоупотреблению административным ресурсом на выборах: проблемы и перспективы / Е.А. Панфилова, С.Н. Шевердяев. – М.: Де Ново, 2005. – 106 с.

5. Тепляшин, П.В. Реализация правового статуса осужденных, оставленных в следственном изоляторе или переведенных в него в качестве подозреваемого либо обвиняемого: littera occidit, spiritus autem vivificat / П.В. Тепляшин // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. – 2022. – № 4(47). – С. 136-142.

УДК 342.951 : 343.83

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ СРЕДИ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ: ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

CONFLICT OF INTEREST AMONG EMPLOYEES OF THE PENAL SYSTEM: SPECIFIC FEATURES AND LEGAL REGULATION

Екатерина Игоревна Шляга,

магистрант Юридического института Сибирского федерального университета (г. Красноярск)

shlyagakatya@gmail.com

Ключевые слова:
непотизм,
личная заинтересованность,
коррупция,
исправительные учреждения,
ФСИН России.

Статья посвящена рассмотрению категории «конфликт интересов» среди сотрудников уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации. Целью исследования является постановка проблемы, связанной с ответом на вопрос: существуют ли какие-либо особенности проявления и правового регулирования института конфликта интересов в органах и учреждениях государственного аппарата принуждения, ведающего исполнением наказаний? Автор приходит к выводу, что конфликт интересов и коррупционные правонарушения, которые возникают, помимо прочего, в результате непринятия мер по его урегулированию, широко распространены в отечественной пенитенциарной системе, в связи с чем для законодателя первостепенно найти решения, которые способны обеспечить положительную динамику противодействия коррупции в данной сфере, выработать концепции усовершенствования национального законодательства о конфликте интересов.

Keywords:
nepotism,
personal interest,
corruption,
correctional institutions,
Federal Penitentiary Service of Russia.

The article is devoted to the consideration of the category of «conflict of interests» among employees of the penal correction system in the Russian Federation. The purpose of the study is to pose a problem related to the answer to the question: are there any features of the manifestation and legal regulation of the institution of conflict of interest in the bodies and institutions of the state apparatus of coercion responsible for the execution of

punishments? The author comes to the conclusion that conflicts of interest and corruption offenses, which arise, among other things, as a result of failure to take measures to resolve it, are widespread in the domestic penitentiary system, and therefore it is of paramount importance for the legislator to find solutions that can ensure positive dynamics in combating corruption in this area, to develop concepts for improving national legislation on conflict of interest.

Существует общеизвестный тезис о том, как важно на системной основе предупреждать коррупционные правонарушения и не доводить до нанесения ими реального вреда, но способов сделать это на практике не так уж много. Регулирование конфликта интересов – едва ли не важнейший из таких инструментов.

Специфика государственной службы и замещения государственных должностей обуславливает возможность возникновения столкновений между задачами таких лиц, как субъектов, действующих на благо государства, с одной стороны, и их личными интересами, с другой стороны. В законодательстве такого рода столкновения интересов определяются как «конфликт интересов». Определение понятию «конфликт интересов» дано в ст. 10 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», оно содержит в себе три основных признака: наличие личной заинтересованности; наличие у должностного лица полномочий для реализации личной заинтересованности; наличие связи между получением доходов или выгод должностным лицом и (или) лицами, с которыми связана его личная заинтересованность, и реализацией должностным лицом своих полномочий. Личная заинтересованность раскрывается через выгоды имущественного и неимущественного характера.

Коррупции всегда предшествует ситуация выбора между долгом и личным интересом, потому своевременное выявление ситуаций, когда у служащего есть возможность извлечения личной выгоды из своих полномочий, и принятие адекватных мер по минимизации этического выбора должностного лица становится важным средством предупреждения коррупционных правонарушений [4, с. 47].

Ситуация конфликта интересов может возникнуть в любой сфере государственного управления, однако особый научный интерес вызывает изучение данного института в рамках уголовно-исполнительной системы.

По состоянию на 1 января 2023 г. в уголовно-исполнительной системе (далее – УИС) содержались более 400 тысяч человек, функционировали 35 исправительных колоний особого режима для осужденных при особо опасном рецидиве преступлений, 6 исправительных колоний особого режима для осужденных к пожизненному лишению свободы, 251 исправительная коло-

ния строгого режима, 164 исправительные колонии общего режима для осужденных мужчин, исправительные колонии общего режима для осужденных женщин, 94 колонии-поселения, 51 лечебное исправительное учреждение, 23 лечебно-профилактических учреждения, 7 тюрем, 13 воспитательных колоний, 46 исправительных центров, 210 следственных изоляторов[1]. Также в УИС действуют образовательные организации при исправительных учреждениях и учреждения высшего образования.

Указанные статистические сведения демонстрируют разнообразный функционал сотрудников УИС, начиная от лиц, проходящих службу в органах УИС, заканчивая педагогами, административным, медицинским, хозяйственным и иным персоналом. УИС – масштабная подсистема федеральной государственной службы, в которой реализуют профессиональную служебную и трудовую деятельность значительное количество граждан в Российской Федерации. В силу специфики осуществляемой деятельности работе в УИС присущи определенные особенности, которые оказывают влияние на возникновение и урегулирование ситуаций конфликта интересов в данной сфере [4, с. 47].

Первое, что обращает на себя внимание при рассмотрении данного вопроса, – это экономические и социальные факторы, в частности удаленность множества исправительных учреждений от крупных населенных пунктов. Удаленность и вытекающие из нее обстоятельства являются одними из ключевых аспектов, формирующих специфику конфликтов интересов в уголовно-исполнительной системе.

Так, зачастую можно встретить обстоятельства, когда исправительное учреждение является в некотором смысле «градообразующим»: муниципальное образование сформировалось и (или) продолжает существовать исключительно за счет того, что, в том числе в целях обеспечения безопасности, на отдаленной от инфраструктуры территории было построено исправительное учреждение, и для обеспечения его работы люди были вынуждены расселяться вокруг него[2]. В связи с этим значительная или основная часть работоспособного населения, включая членов одной семьи и иных близких родственников, осуществляют служебную и трудовую деятельность в одном месте. Члены семьи работника в рассматриваемых условиях значительно ограничены в поиске вакансий и могут даже фактически быть лишены иных вариантов для трудоустройства помимо работы в том же учреждении УИС.

Рассмотрим Федеральное казенное учреждение «Исправительная колония № 42 с особыми условиями хозяйственной деятельности Главного управления федеральной службы исполнения наказаний по Красноярскому краю» (далее – ИК-42), расположенное в поселке Октябрьский Богучанского района.

1 Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. URL: https://pda.fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya har-ka UIS/index.php (дата обращения: 31.03.2025).

2 Карта исправительных учреждений России. URL: https://ospace.org/etap#about (дата обращения: 02.04.2025).

Октябрьский находится на расстоянии 456 километров от города-миллионника Красноярск (6,5 часов пути), 233 километров от ближайшего крупного города с населением в пределах 90000 человек – города Канска (3,5 часов пути) и 126 километров от административного центра района с населением порядка 11000 человек – поселка Богучаны Красноярского края (2 часа пути). Численность населения поселка Октябрьский около 5000 человек, лимит наполняемости исправительного учреждения 1500 человек, штат сотрудников в среднем варьируется от 480 до 510 человек.

Поскольку служба в УИС чаще всего не предполагает вахтовый метод, представляется верным, что в связи отдаленностью ИК-42, трудовую деятельность в данном учреждении, за некоторыми исключениями, осуществляют только жители поселка Октябрьский. Исходя из соотношения взрослого населения муниципального образования (около 3240 человек) и общего штата сотрудников ИК-42, можно сделать вывод, что в одном учреждении задействована значительная часть трудоспособного населения поселка, включая членов одной семьи, соответственно, высока вероятность возникновения конфликтов интересов[1].

Также стоит отметить, дефицит кадров и низкую заработную плату. Анализ данных инструментов глобальной виртуальной сети, предлагающих услуги онлайн-рекрутмента (www.HeadHunter.ru, www.rabota.ru), показал, что в отдаленных регионах наблюдается нехватка квалифицированных сотрудников УИС, а уровень материального обеспечения кадров ниже среднего по стране [2, с. 17-18]. Данное обстоятельство провоцирует поиск дополнительных доходов, включая незаконные: взяточничество за предоставление осужденным или их родственникам льгот, таких как улучшение условий содержания; услуг, например, свидания с нарушением условий и (или) порядка, участие в теневой экономике исправительных учреждений, организация нелегальных схем снабжения (передача запрещенных предметов: продукты, лекарства, бытовые товары и так далее); продажа конфиденциальной информации, например, данных о перемещениях осужденных или графиках проверок, главным образом криминальным группам [7, с. 306]. Для компенсации нехватки персонала сотрудники УИС могут привлекать осужденных к выполнению административных задач, что нарушает принципы субординации и является конфликтом интересов.

Финансовая неудовлетворенность усиливает стресс, снижает мотивацию к добросовестной службе особенно в сочетании с рисками профессиональной деятельности, способствует профессиональной деформации, что создает предпосылки для коррупции.

Проявления профессиональной деформации сотрудников УИС могут заключаться в следующем:

снижение лояльности к институту УИС и формирование установок на личную выгоду: сотрудники, ощущая несправедливость в оплате труда, чаще

1 Население поселка Октябрьский Богучанского района Красноярского края. URL: https://awdb.ru/krasnoyarskiy-kr/n/boguchanskiy/oktyabrskiy/ (дата обращения 18.04.2025).

оправдывают нарушения как «справедливую компенсацию», дефицит доходов переориентирует их на решение личных финансовых проблем в ущерб служебным обязанностям;

сменный график работы, включая длительную продолжительность рабочего времени, включая ночные часы вызывают физическое и эмоциональное истощение, может снизить способность противостоять соблазнам;

нехватка сотрудников вынуждает оставшийся персонал выполнять дополнительные обязанности, что ведет к формализации процессов: сотрудники игнорируют детали, пропускают нарушения, чтобы успеть выполнить основные задачи.

определенный уровень социальной изоляции сотрудников УИС в удаленных районах ведет к эмоциональному выгоранию из-за тяжелых условий труда и ограниченного досуга, что может побудить лиц к поиску «острых» ощущений, риска. Как отмечает Е.Ю. Федоренко, для коррупциогенной личности характерны низкий уровень удовлетворенности жизнью, импульсивный тип реагирования. Чем выше уровень удовлетворенности жизнью, тем выше антикоррупционная устойчивость и наоборот. Коррупционная зависимость имеет общие черты с гэмблингом, адреналиноманией. Коррупционное поведение вызвано желанием острых ощущений сопровождается стремлением в повторении испытанных эмоций от опасных ситуаций с целью получения от этого удовольствия [8, с. 49-51];

формирование неформальных связей с осужденными или их родственниками, что нарушает принцип нейтралитета (дружеские или романтические отношения; личные просьбы о смягчении режима содержания). Привилегии для «своих» осужденных нарушают принцип равенства перед законом. Кстати, здесь представляется перспективной проработка вопроса о реализации конкурсных процедур предоставления осужденным каких-либо смягчений режима или предоставления условно-досрочного освобождения (далее – УДО). Например, предлагаемая П.В. Тепляшиным методика конкурсной оценки результатов поведения осужденного, дающая возможность представления его к УДО, способна значительно занизить известные коррупционные риски при реализации процедуры УДО [6].

В связи с нехваткой кадров руководство «закрывает глаза» на нарушения, чтобы сохранить персонал, что усугубляет проблемы. Нужно также учесть, что при нехватке сотрудников сложнее обеспечить ротацию кадров, что опять же провоцирует конфликты интересов.

Можно встретить такой фактор, провоцирующий конфликты интересов, как зависимость от местного сообщества. Удаленные учреждения УИС часто интегрированы в локальную экономику – это создает риски сращивания интересов сотрудников с местными бизнес-структурами, например, закупки у местных поставщиков, лоббирования интересов определенных групп, например, завышение цен на поставки, монополизация поставок отдельными сотрудниками или их родственниками, спекуляция дефицитными товарами и

прочие (например, приговор Кинешемского городского суда Ивановской области от 12 августа 2021 г. по делу № 1-31/2021) [9, с. 44-45].

Нахождение исправительных учреждений в труднодоступных районах затрудняет проведение регулярных проверок со стороны надзорных органов, общественных наблюдательных комиссий и СМИ. В частности, общественная наблюдательная комиссия Красноярского края в 2017 г. посетила в общей сложности 38 учреждений ГУФСИН России по Красноярскому краю, при этом удельный вес посещений общественными комиссиями учреждений УИС, находящихся за пределами городов, составляет 26% (224 посещения 21 учреждения в городах и 77 посещений 17 учреждений в иных муниципальных образованиях). Это формирует «закрытость» системы, где сотрудники могут действовать без страха разоблачения, что повышает вероятность сокрытия нарушений (фальсификация отчетности, игнорирование жалоб лиц, отбывающих наказание).

Подобные проявления «закрытости» системы можно увидеть в приговоре Верхотурского районного суда Свердловской области от 8 июля 2016 г. по делу № 1-11/2016, согласно которому в поселке Привокзальный с населением около 4000 человек (2 часа пути до ближайшего крупного города) начальник отряда отдела по воспитательной работе с осужденными ФКУ «Исправительная колония № 53» в течение нескольких лет совершал разнообразные умышленные коррупционные тяжкие и средней тяжести преступления, включая получение взятки за исправление материалов для рассмотрения вопроса судом об изменении осужденному-взяткодателю вида исправительного учреждения (ч. 3 ст. 290 УК РФ), осуществлял мошенничество, вступая в отношения, не регламентированные уголовно-исполнительным законодательством с родственником осужденного, предлагая оказать за денежную сумму содействие в предоставлении длительного свидания, заведомо не намереваясь предпринимать для этого никаких действий (ч. 3 ст. 159 УК РФ) и другие.

Возвращаясь к вопросу о совместной работе родственников одном структурном подразделении исправительного учреждения: исходя из совокупности удаленности и дефицита кадров встает вопрос династийности. Что касается династийности – это явление, при котором власти или руководящие позиции занимают представители одной семьи или группы, часто передавая их по наследству. Оценка династийности как явления зависит от контекста и обстоятельств.

Информационное пространство, формируемое средствами массовой информации, в том числе активно способствует созданию и поддержанию подобного стереотипа о негативном воздействии семейных и родственных связей на управление государственными образованиями, а также на социально-экономическое развитие страны в целом. Достойным младшим членам династии необходимо прилагать вдвое больше усилий, чтобы подтвердить окружающим, что достигнутые успехи являются результатом единоличного труда, а не следствием преимуществ, предоставляемых старшими членами семьи [3,

с. 48-50]. Служба в органах УИС по своей структуре, порядкам, в сущности, близка с военной службой, где династийность широко распространена. Однако стоит отметить, что военной службе присущ широкий выбор учреждений, в которых можно данную службу проходить, активно применяется принцип ротации кадров и другие инструменты по предотвращению возникновения ситуаций конфликта интересов. В свою очередь, в УИС возникает важная проблема – гражданин, который стремится поступить на службу во ФСИН России по стопам предыдущих поколений вынужден столкнуться с антикоррупционными стандартами поведения и возможностью общественного порицания, даже если учреждение, в котором он намеревается осуществлять профессиональную деятельность, является едва ли не единственным доступным вариантом трудоустройства в его населенном пункте.

Династии могут выступать как катализаторы профессионального развития, обеспечивая членам семьи доступ к знаниям, опыту, и на условиях справедливого конкурсного отбора – последующей восходящей социальной мобильности [5, с. 42-44]. В то же время укрепление подобного порядка, а равно использование протекции, покровительства, связей, обеспечивающих также успешное восхождение по служебной лестнице, но без выполнения условий справедливого конкурентного отбора может существенно усиливать риски возникновения конфликта интересов, подрывая принципы объективности, прозрачности и эффективности работы системы.

Основные аспекты влияния совместной работы родственников на осуществление трудовой и служебной деятельности в УИС могут быть сведены к следующим позициям:

нарушение принципа беспристрастности: кумовство и фаворитизм. Назначение родственников на ключевые должности или их продвижение по службе может происходить не по профессиональным критериям, а из-за семейных связей. Это ведет к снижению качества управления и недовольству среди сотрудников;

субъективность в принятии решений. Руководитель-родственник может закрывать глаза на нарушения, допущенные членом семьи либо, наоборот, создавать для них привилегированные условия;

формирование клановости. Неформальные сети влияния: семейные связи создают параллельные структуры власти, где решения принимаются в узком кругу, минуя официальные процедуры. Это затрудняет внешний контроль и аудит. Члены династий могут оказывать психологическое давление на коллег, требуя лояльности или скрытия нарушений.

Прием на работу родственников может вызвать некоторые этические и моральные вопросы, в том числе создать у общественности впечатление о наличии конфликта интересов, даже если его нет. Например, коллеги могут считать, что на родственника руководителя не распространяются те же правила, что и на всех остальных. Родственник, занимающий должность, подчиненную руководителю, для равных в системе иерархии коллег может восприниматься

как фактический начальник из-за его связи с руководителем. С точки зрения общественности прием на работу членов семьи может послужить сигналом о том, что округ не заинтересован в найме наиболее квалифицированных сотрудников, а предпочитает набирать сотрудников по принципу «кого знаешь» или «с кем связан».

Виды обогащения членов семей могут иметь как местное воздействие (беспричинное повышение зарплат и выплата премий родственникам, раздача должностей и преференций, изъятия государственных средств в собственность – раздача служебного жилья, путевок, оплата курортов и т.п.) [1, с. 97-98]. В определенных сферах профессиональная преемственность в целом не несет негативную окраску и не рассматривается как способ монополизации престижных социальных позиций, поскольку не предусматривает возможность иметь высокий социальный статус, занимаясь этой деятельностью, тем не менее, если речь идет именно о государственной службе в органах уголовно-исполнительной системы, которая гарантирует служащим регулярное получение различных льгот, конфликт интересов в таких органах и учреждениях может облегчить совершение коррупционных правонарушений.

Недостаток выделяемых государством средств на рассматриваемую систему ослабляет механизмы внутреннего контроля. Бюджетные ограничения приводят к недостатку ресурсов на профилактику, сказываются на сокращении программ этического обучения сотрудников, которые являются важным инструментом в противодействии конфликтам интересов.

Подводя итог, необходимо отметить, что анализ состояния системы исполнения наказаний в области конфликта интересов указывает на то, что широко распространены коррупционные риски. Актуальная ситуация, связанная с конфликтом интересов, планомерно влечет утрату доверия общества к институту исполнения наказаний, дестабилизирует работу учреждений, повышает риски чрезвычайных происшествий. Нелегальные схемы, осуществляемые сотрудниками, подрывают ключевые принципы исправления и ресоциализации, повышают рецидивизм потому как коррупция в УИС способствует сохранению преступного мышления среди осужденных

Практическую значимость представляют дальнейшие исследования конфликта интересов в УИС, выявление особенностей его проявления в данной сфере, анализ эффективности имеющихся антикоррупционных механизмов и предложение иных продуктивных мер, которые более полно отвечают потребностям и специфике рассматриваемой системы.

Библиографический список

1. Антикоррупционные меры безопасности : монография / под ред. Н.В. Щедрина, И.А. Дамм. – М.: Проспект, 2021. – 494 с.

2. Бобров, А.М. К вопросу о принципах государственной службы в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации / А.М. Бобров // Административное право и процесс. – 2021. – № 4. – С. 14-20.

3. Иванова, Е.Ю. Семейственность (непотизм) как деструктивная форма профессиональных династий: государственная политика и общественное мнение / Е.Ю. Иванова // Теория и практика общественного развития. – 2020. – №5. – С. 42-50.

4. Кочкина, О.В. К вопросу о противодействии коррупции в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации / О.В. Кочкина, Е.А. Дроздова // Государственная власть и местное самоуправление. – 2021. – № 5. – С. 47-49.

5. Сапожников, К.С. Семейственность как дестабилизирующий фактор профессиональной династии на государственной службе / К.С. Сапожников // Юридический факт. – 2021. – № 125. – С. 40-45.

6. Тепляшин, П.В. Многокритериальный подход при конкурсном отборе осужденных к условно-досрочному освобождению / П.В. Тепляшин // Пролог: журнал о праве. – 2014. – Т. 2. – № 4. – С. 37-44.

7. Тепляшин, П.В. Теоретические основы антикоррупционных мер личной безопасности осужденных, отбывающих лишение свободы / П.В. Тепляшин // Уголовно-исполнительное право. – 2022. – Т. 17. – № 3. – С. 301-312.

8. Федоренко, Е.Ю. Психологический взгляд на коррупционное поведение / Е. Ю. Федоренко // Актуальные вопросы противодействия коррупции в сфере образования : сборник научных статей по материалам IV Сибирского антикоррупционного форума, Красноярск, 26-27 декабря 2018 г. / отв. ред. И.А. Дамм, Е.А. Акунченко. – Красноярск: СФУ, 2019. – С. 48-54.

9. Хамизова, С.А. Конфликт интересов и его типовые ситуации на службе в уголовно-исполнительной системе / С.А. Хамизова // Административное право и процесс. – 2022. – № 4. – С. 43-47.

В сетевом издании «Научный компонент» могут быть опубликованы статьи на темы:

– профилактика немедицинского употребления психоактивных веществ, противодействие незаконному обороту наркотиков;

– теория и практика раскрытия и расследования преступлений;

– правовые и гуманитарные проблемы правоохранительной деятельности;

– специальная, оперативно-боевая, физическая подготовка сотрудников правоохранительных органов;

– совершенствование образовательного процесса в образовательных учреждениях высшего профессионального образования;

– кадровая и воспитательная работа.

По решению редакционной коллегии могут быть опубликованы научные и информационные материалы, не предусмотренные тематикой издания.

Требования к статьям

1. Статья предоставляется в редакцию сетевого издания в электронной версии.
2. Вместе со статьей автор предоставляет заполненный и подписанный лицензионный договор (бланк договора доступен на сайте издания).
3. К статье прилагается заключение комиссии об отсутствии сведений ограниченного распространения.
4. Для адъюнкта (аспиранта) прилагается отзыв научного руководителя.
5. Статья обязательно сопровождается письмом, в котором указываются контактные данные авторов (адрес, телефоны, адрес электронной почты).
6. К письму отдельным файлом прикладывается фотография автора в цифровом варианте в формате *.jpg, *.jpeg, *.tif, *.tiff с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм).
7. Элементы издательского оформления материалов включают:

– сведения об авторах: фамилия, имя, отчество (полностью) на русском и английском языках, ученое звание, ученая степень, должность, место работы (наименование учреждения или организации, населенного пункта), наименование страны (для иностранных авторов);

– заглавие публикуемого материала на русском и английском языках;

– индекс УДК (Универсальной десятичной классификации);

– аннотацию и ключевые слова на русском и английском языках. Аннотация должна соответствовать ГОСТ 7.9-95 (ИСО 214-76) (в среднем 500 знаков);

– пристатейный библиографический список, оформленный в соответствии ГОСТ 7.0.100 – 2018, **в алфавитном порядке (не допускается включение нормативных правовых актов в библиографический список, их надлежит указывать непосредственно в тексте статьи!)**.

8. Технические требования:

– текстовый редактор Microsoft Word (*.doc, *.docx);

– шрифт Times New Roman, обычный, кегль 14 пунктов;

– абзацный отступ – 1,25 см, выравнивание по ширине **(не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «пробел»!)**, межстрочный интервал полуторный;

– объем статьи 10-16 страниц;

– сноски на литературу оформляются отсылками к пристатейному библиографическому списку (в квадратных скобках). Список составляется **в алфавитном порядке**;

– графики, схемы, фотографии, рисунки, диаграммы, таблицы и другие графические иллюстрации должны быть выполнены с использованием штриховой заливки, пронумерованы и представлены отдельными файлами в формате *.tif, *.tiff, *.jpg, *.jpeg в черно-белом или цветном изображении с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм); подписи к объектам указываются в основном тексте в месте, куда должен быть помещен объект;

– файл именуется по фамилии автора (авторов): «Иванов»; графические файлы именуются по номеру рисунка, таблицы и т.п.: «Рисунок 1.jpg», «Таблица 3.doc».

9. Статьи, не соответствующие перечисленным требованиям, не рассматриваются.

Ждем Ваши материалы по адресу:
E-mail: onrio@yandex.ru
660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20
Телефоны: (391) 222-41-30, 222-41-31